

Лэйни Тейлор

СНЫ
БОГОВ
и МОИСТРОВ

Лэйни Тейлор
СНЫ БОГОВ И МОНСТРОВ
Серия «Ангелы и демоны»
Серия «Дочь дыма и костей», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9363260

Тейлор, Лэйни. Сны богов и монстров : [роман] : АСТ; Москва; 2015

ISBN 978-5-17-117093-6

Аннотация

Какая сила способна низвергнуть небеса?

Два мира балансируют на грани жестокой войны. Путем невероятного обмана Кэроу обрела контроль над восстанием химер и твердо намерена держаться подальше от кровавой вендетты. В от нее зависит будущее ее расы.

Но когда новый жестокий император ангелов Иаил вторгается с армией в мир людей, Кэроу и Акиве приходится объединиться, чтобы противостоять общему врагу.

Вправду ли боги и монстры могут видеть сны?

И если да – что же сулят эти сны людям?

Содержание

1	6
2	17
3	23
4	28
5	40
6	50
7	62
8	69
9	81
10	88
11	91
12	101
13	107
14	117
15	126
16	130
17	138
18	144
19	152
20	154
21	155
22	158
23	167

24	176
Конец ознакомительного фрагмента.	180

Лэйни Тейлор

СНЫ БОГОВ И МОНСТРОВ

Джиму. За то, что ты рядом

*Как-то раз ангел и демон прижали ладони к
сердцам друг друга – и настал конец света.*

Laini Taylor

DREAMS OF GODS AND MONSTERS

Печатается с разрешения издательства Little, Brown and Company, New York, USA и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© Laini Taylor, 2014

Школа перевода В. Баканова, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

1

...и заесть мороженым

Нервы натянуты до предела, кровь стучит в висках, сердце колотится как сумасшедшее, спрятаться, убежать, спастись, страшно, страшно, страшно...

– Элиза! Элиза!!!

Голос, яркий свет. Она просыпается. Рывком: словно тела вниз и обрушилась на землю.

Слышит собственный голос:

– Сон приснился страшный. Я уже в норме.

Сколько раз ей уже приходилось это повторять? Бессчетно. Хотя впервые – не себе самой, а мужчине, который героически ворвался в комнату с гвоздодером в руке, намереваясь отбивать ее у убийцы.

– Ты... ты так кричала.

Габриэль, сосед, обошел комнату, заглянул во все углы и не обнаружил ни следа преступника. Растрепанный, напуганный, едва проснувшийся, он в полной боевой готовности судорожно сжимал гвоздодер.

– Я хочу сказать... по-настоящему кричала.

Элиза откашлялась. В горле саднило.

– Знаю. Со мной бывает.

Она села в кровати. Сердце по-прежнему неистово коло-

тилось – как канонада. Ее трясло, дыхание все не выравнивалось, во рту было сухо, и все же она постаралась сказать как можно небрежнее:

– Спасибо, что разбудил.

Габриэль моргнул и опустил молоток.

– Да нет, Элиза, правда. Я в жизни не слышал, чтобы так кричали. Как в ужасниках.

Его голос немного дрожал. Иди уже, хотела сказать Элиза. Уматывай. Ну пожалуйста. У нее затряслись еще и руки. Минуты через две это станет заметно, а свидетели ей не нужны. Адреналиновый откат, ничего хорошего.

– Все уже в порядке, честно. Просто...

Черт!

Заколотило. Подскочило давление, в глаза словно песок насыпали, скоро она совсем раскиснет.

Черт, черт, черт...

Элиза свернулась калачиком, спрятала лицо в покрывале, пытаясь задавить рвущиеся наружу рыдания. Как ни терзали ее кошмары, выход из них терзал еще больше, ведь сознание вернулось, и она острее ощущала собственную беспомощность. Уже не ужас из сновидений, нечто иное. Оно всякий раз приходило вместе с кошмарами и долго не отпускало – как приливная волна. Как труп морского чудовища, этой волной вынесенный на берег и оставленный там гнить. На берег ее разума. Мука и стыд. Господи, какие неточные слова! Кошмар отступал, а ощущение оставалось с ней и тер-

зало: паника, страх и как кровотокающая, гнойная, рваная рана – чувство вины.

Господи боже мой, не объяснить словами, не выдержать... Огромно... непереносимо... Ничего хуже просто не могло быть! Оно заполняло собой все: время, пространство. Гигантское, невысказанное чувство вины. Невозможное. Невозможное?

Она не делала, она никогда в жизни не сделала бы... *этого*.

Однако когда кошмар добирался до нее, ничто уже не имело значения: ни доводы рассудка или чувства, ни даже физические законы. Страх и вина глушили все.

Как лавина.

Справившись с рыданиями и подняв голову, Элиза обнаружила, что Габриэль сидит на краешке ее кровати и смотрит сочувственно и тревожно. Было Габриэлю Эдингеру свойственно такое ненавязчивое дружелюбие, не вполне современное. В будущем он имел более чем неплохие шансы обзавестись галстуком-бабочкой. И, возможно, даже моноклем. Он специализировался в области нейробиологии и был едва ли не самым умным из всех ее знакомых, очень симпатичным. Они оба занимались исследованиями в Смитсоновском музее естествознания – СМЕ – и просто приятельствовали до тех пор, пока в прошлом году девушка Габриэля не уехала писать диссертацию в Нью-Йорк и ему в квартиру не понадобился сосед. Элиза понимала, что рискованно

проводить столько времени бок о бок не только на работе, но и дома. Рискованно именно по *этой* причине. По *этой*.

Крики. Рыдания.

Бездна – и жалкие дощечки сверху, на которых балансирует вмняемая часть ее сознания. Заинтересованный наблюдатель быстро поймет, на каких огрызках здравого рассудка она пытается выстроить свою жизнь. Эти усилия иногда напоминали ей попытки соорудить настил на зыбучем песке. Впрочем, кошмаров не случилось уже довольно давно, и Элиза поддалась искушению пожить нормальной жизнью: обычная аспирантка двадцати четырех лет от роду, без особых денег – и без особых секретов. Диссертация, проблемы с лаборантами, получение грантов, съемное жилье.

Чудовища.

– Прости за переполох. Уже прошло.

Габриэль кивнул:

– Отлично.

Неловкая пауза. Его улыбка:

– Тогда... чашечку чая?

Чай. Как у обычных людей.

– Да. Спасибо.

Пока Габриэль возился в кухне, Элиза привела себя в порядок. Натянула халат, ополоснула лицо, высморкалась, подошла к зеркалу. Опухшее от слез лицо, красное и зареванное. Ей часто делали комплименты, что-то там о прекрасных глазах. Большие, выразительные, с длинными ресница-

ми. Угу. Особенно сейчас, когда от слез полопались сосу-
ды. Она подправила косметикой то, что поддавалось правке.
Глаза снова заблестели, но теперь в их сиянии было что-то
слегка... безумное.

– Ты не рехнулась, – сказала Элиза отражению в зеркале.
Привычная мантра. Необходимая. – Не рехнулась и не рех-
нешься.

А все отчаянные мысли... Загоним их подальше.

Со мной такого не случится. Я сильнее, чем остальные.

Обычно ей удавалось в это поверить.

Когда Элиза вышла на кухню, часы на плите показывали
четыре утра. На столе ждал чай – а еще рожок сливочного,
и ложечка приготовлена. Габриэль указал на него рукой и
сказал:

– Кошмары надо заедать мороженым. Семейная тради-
ция.

– Действительно?

– Ну да.

Элиза попыталась представить такой способ борьбы с
кошмарами в ее собственной семье, но не преуспела. Слиш-
ком яркий контраст.

Она потянулась к рожку:

– Спасибо.

Минуту молча жевала, потом глотнула чая, с напряжени-
ем ожидая вопросов, которые сейчас на нее посыплются.

Что же такое тебе привиделось, Элиза?

Ведь если ты не признаешься, как же я смогу тебе помочь?
Что с тобой творится, Элиза?

Все это она уже проходила.

– Тебе наверняка приснился Морган Тот, – сказал Габриэль. – Такой... с пухлыми губками?

Нет, пожалуй, подобного она еще не слышала. Элиза невольно засмеялась. Морган Тот, ее вечный соперник и заклятый враг, и губы у него... действительно... Впору присниться кошмару.

Однако к ее делам он не имеет ни малейшего отношения.

Она попросила:

– Давай о чем-нибудь другом. Не хочу об этом.

– Об «этом»? – переспросил Габриэль, весь такой простодушный.

– Серьезно, правда.

– Ну, ладно.

Еще немного мороженого. Еще немного молчания. Повисшие в воздухе незадаанные вопросы.

– В детстве мне тоже снились кошмары, – сказал Габриэль. – Целый год. Часто. Вся семья жила как на пороховой бочке. Я боялся засыпать. Чего только не делал. Даже пробовал кого-то задобрить. Обещал отдать любимые игрушки, лакомства. Однажды якобы предлагал взамен себя родного брата. Я этого не помню, но он клянется.

– Кому отдать?

– *Им.* Которые из снов.

Им.

Вспышка надежды. Идиотской надежды.

У Элизы тоже имелись *они*. Разумом она понимала, что это всего лишь порождения ее мозга, не существующие вне его пределов. Однако, приходя в себя после кошмара, трудно сохранять рассудительность.

Все же она переспросила:

– Им?

И испугалась собственного вопроса. Ведь если она не хочет обсуждать свои проблемы, не стоит совать нос в чужие. Уж это-то правило она усвоила давно: не спрашивай, и тебя не спросят.

Габриэль пожал плечами:

– Чудовищам.

Он произнес это таким тоном, что Элиза сразу потеряла интерес. Те, кто упоминал о чудовищах так отстраненно, явно никогда не сталкивались с персонажами из ее снов.

– Ты убегаешь, а тебя преследуют. Такое многим снится.

Элиза прихлебывала чай, заедала ночной кошмар мороженым, кивала в нужных местах, но не особенно вслушивалась в то, что говорит Габриэль. Все написанное по данной теме она проштудировала давным-давно. Не помогало раньше – не поможет и теперь.

– Кошмары – отражение наших подсознательных страхов.

Время от времени случается с каждым.

Габриэль подвел итог размеренным, ровным тоном, слов-

но ментор, разъясняющий ученику сложную задачу.

Ей очень хотелось сказать: *«Точно. И буквально каждому в семилетнем возрасте ставят кардиостимулятор, поскольку «отражение подсознательных страхов» спровоцировало сердечную аритмию. Сплошь и рядом».* Однако она промолчала: слишком это напоминало бы перебивание косточек на вечеринке:

– *Говорят, что Элизе Джонс в семь лет поставили кардиостимулятор, – так ее замучили ночные кошмары, слышали?*

– *Правда, что ли? С ума сойти!*

Она спросила:

– И что с твоими чудовищами? Чем дело кончилось?

– О, они переключились на моего брата, а меня оставили в покое. В Михайлов день я подношу им жертвенного агнца – небольшая плата за спокойный сон, верно?

Элиза засмеялась:

– И где же ты берешь этих... агнцев?

– Есть такая ферма в Мэриленде. Сертифицированные животные для жертвоприношений. Козлята. Или ягнята, по желанию клиента.

– А почему в Михайлов день?

– А почему нет?

Элиза на мгновение ощутила теплую волну признательности: Габриэль не пытался залезть ей в душу, а мороженое, чай и даже раздражающая «научная» болтовня облегча-

ли выход из кошмара. Она засмеялась – засмеялась не при-
творно, на самом деле.

И тут на столе завибрировал ее сотовый.

Кому она понадобилась в четыре утра? Элиза протянула
руку за телефоном...

...увидела номер на экране и уронила аппарат – или про-
сто отбросила? Телефон ударился о шкаф и полетел на пол.
Секунду она надеялась, что разбила его. Аппарат лежал на
полу и молчал. Мертвый?

А потом снова зажужжал.

Жалела ли она когда-нибудь раньше, что не сумела раз-
грохать собственный телефон?

Это же просто номер. Просто цифры. Даже не имя. Имя
не высветилось, поскольку Элиза не вносила его в память
сим-карты. И, пока не увидела этот номер на экране, даже
не осознавала, что все еще помнит его. Как будто он сопро-
вождал ее в течение всей жизни после... после побега. Внут-
ренности немедленно скрутило спазмом. Точно как прежде.
Ничего не изменилось, ничего.

Габриэль наклонился за телефоном.

Она чуть не крикнула: не прикасайся! Бессмысленно. Ко-
гда Габриэль протянул ей аппарат, она не пошевелилась, и
он просто положил телефон на стол. Тот по-прежнему виб-
рировал. Ей звонили.

Элиза смотрела на экран остановившимся взглядом. Как
ее нашли? Она поменяла имя. Исчезла. Или они не теряли

беглянку из виду ни на мгновение и все это время просто наблюдали? Эта мысль привела ее в ужас. Неужели годы свободы были просто иллюзией?

Жужжание прекратилось. Включился автоответчик, и сердце вновь застучало как бешеное: кровь дикими толчками летела по жилам. Кто это? Сестра? Один из «дядюшек»?
Мать?

Кто бы ни был. Если они оставят голосовое сообщение, осмелится ли она его прослушать? Мысль едва успела мелькнуть в голове, когда телефон издал другой сигнал: пришла эсэмэска.

«Включи телевизор».

Что?

Элиза растерянно моргнула. При чем здесь телевизор? Зачем его включать? У нее и телевизора нет!

Габриэль внимательно ее разглядывал. И тут раздался первый вопль. Элиза подскочила, едва не опрокинув стул. Откуда-то с улицы донесся долгий, неразборчивый вой. Или это в доме? Слишком громко. Точно, в здании. Вот еще. Что творится, черт возьми? Кричат люди... Шок? Радость? Страх?

А затем затрезвонил телефон Габриэля, а на телефон Элизы пришла целая серия сообщений: жжж, жжж, жжж, жжж. От друзей, включая Таджа, который находился сейчас в Лондоне, от Кэтрин, которая была в южноафриканской экспедиции. Текст был разным, но все сообщения сводились к одно-

му: включи ТВ.

Ты смотришь?

Проснись. ТВ. Немедленно.

Все сообщения, кроме одного, последнего. Прочтя его, Элиза захотела свернуться в позе эмбриона и отключиться.

Возвращайся домой. Мы тебя прощаем.

2

Пришествие

Среди бела дня, в пятницу, в небе над Узбекистаном. Первый раз их заметили в Самарканде, древнем городе, расположенном на древнем Шелковом пути. Там съемочной группе агентства новостей удалось сделать первые снимки пришельцев.

Ангелы.

Ряд за рядом, фаланга за фалангой – легко пересчитать. Безупречный строй, двадцать отрядов по пятьдесят ангелов в каждом: тысяча. Они летели на запад, порой так низко над землей, что стоящие на крышах и вдоль дорог люди видели, как колышутся на ветру знамена белого шелка, и слышали струнный перебор арф.

Арфы.

Свидетельства очевидцев поступали отовсюду. По всему миру телеканалы останавливали вещание и давали один экстренный выпуск за другим. Что-то кричали в микрофоны комментаторы. Страх, ожидание неизвестного. Широко распахнутые глаза, высокие нервные голоса. Повсюду начинали трезвонить телефоны – а затем умолкали: сотовые сети не выдерживали нагрузки и выходили из строя. Наружу выбирались все подавленные страхи и фобии. Интернет сбоил.

На улицах происходило столпотворение. Стоял крик, голоса заглушали и заглушались. Тут и там дрались. Пели. Бились в истерике.

Умирали.

Впрочем, рождались тоже. Младенцы, появившиеся на свет во время Пришествия, получили прозвище «херувимчики», по меткому высказыванию одного радиокомментатора. Он же запустил слух, что все эти малыши имеют на теле метку в форме перышка. Слух оказался лживым, но каждого младенца теперь тщательно осматривали, ища любой намек на благословение или магическую силу. В один-единственный день – девятого августа – время расщепилось на «до» и «после», и никому уже не суждено было забыть, где он находился, когда началось «это».

Казимир Андраско, актер, «призрак», «вампир» и бездельник, проспал весь переполох, но впоследствии клялся, что проводил время за чтением Ницше. И будто бы в самый момент Пришествия его настигло видение о конце света. Бестолковое, суматошное нагромождение вранья и уловок, попытка основать новый культ – впрочем, все закончилось быстро и печально.

Зузану Новакову и Миколаса Вавру событие застало в Айт-Бен-Хадду, знаменитой марокканской крепости-касбе. Мик только закончил торговаться о приобретении антично-

го серебряного кольца (возможно, античного; возможно, серебряного, но точно кольца), когда его внимание привлёк внезапный шум. Он сунул кольцо глубоко в карман, где тому предстояло неизвестно сколько ожидать своего часа.

В деревенской едальне они из-за спин возбужденных местных обитателей послушали новости на арабском. Ни комментариев, ни причитаний окружающих не поняли, но у них двоих было знание, позволяющее разобраться в ситуации. Они представляли, кто такие ангелы, или, точнее, кем те не являются. Правда, от этого было не легче.

Небо. И крылья.

Так много!

Шок.

Именно Зузана подала мысль «прихватить» фургончик, стоящий у туристического ресторана. Ткань реальности и обыденности к тому времени растянулась настолько, что угон автомобиля уже не воспринимался как нечто недопустимое. Проще простого: ведь у Кэроу нет доступа к мировым новостям. А ее непременно нужно предупредить. Если бы потребовалось, Зузана украла бы и вертолет.

Эстер ван де Влут, почтенная торговка алмазами, давний партнер Бримстоуна и «липовая» бабушка его человеческой подопечной, выгуливала мастифов около своего дома в Антверпене, когда на колокольне Собора Богородицы ударил набат. Истериически, громко, безостановочно. Эстер, к истерии

не склонная, ожидала новых событий с того момента, когда на двери дома в Брюсселе появился черный выжженный отпечаток руки. Придя к выводу, что началось именно то самое, она решительным шагом отправилась домой, и ее псы, огромные как львы, бежали справа и слева от нее.

Элиза Джонс несколько минут смотрела на экран ноутбука. Потом сервер вышибло и связь прекратилась. Они торопливо оделись, сели в автомобиль Габриэля и помчались в музей. Несмотря на несусветную рань, многие коллеги уже были на месте, а остальные подъезжали друг за другом. Все теснились у экрана большого телевизора в лаборатории на цокольном этаже.

Смотрели – и не верили собственным глазам. Трюк? Фейк? Ведь если эти ангелы настоящие – что за бред! – должны же они хоть немного отличаться от картинок из учебника для воскресной школы?

Воплощенное совершенство. Как в кино.

– Еще и арфы, – сказал палеобиолог. – Ну, перебор же!

Они стояли и смотрели, напряженные, растерянные... Версия трюка с каждой минутой расплзалась по швам: репортеры, осмелев, подбирались к пришельцам все ближе, изображение становилось все четче, сомнений оставалось все меньше.

Ученым оставалось только поверить в то, в чем никто не смел признаться даже самому себе: там и впрямь были анге-

лы!

Их крылья. Почти четыре метра в размахе; каждое перо – как отдельный язычок пламени. Они плавно поднимались и опускались, управляя полетом с невообразимой грацией, – никакие самые передовые технологии не смогли бы это смоделировать.

– Может, все-таки постановка? – предположил Габриэль. – Компьютерная графика. Радиопьеса «Война миров» на современный лад.

Раздались перешептывания, но, похоже, никто в это уже не верил.

Элиза молча наблюдала. Ее собственный страх имел совсем другую природу, нежели у коллег; он был более... проработанным. С этим страхом она жила всю жизнь.

Ангелы.

Ангелы. После инцидента в Праге, на Карловом мосту, она, по крайней мере, могла позволить себе скепсис, просто чтобы удержаться в здравом уме. Ту историю можно было счесть трюком, подделкой: три ангела, были и сплыли, не оставив никаких осязаемых доказательств своего существования.

Сейчас происходило иное: казалось, весь мир замер, затаив дыхание. И она тоже. Вот же они, ангелы.

Элиза подумала о своем телефоне, сознательно забытом дома. Интересно, сколько еще сообщений пришло за это время? И еще она подумала о неодолимой темной силе, от кото-

рой убегала, спасаясь, в ночном сновидении. Кишки скрутило спазмом: под ногами заходили ходуном деревянные плашки, перекрывающие зыбучие пески подсознания. Прошлое всегда таилось в глубине ее мозга, оно никуда не уходило, и вся ее теперешняя жизнь была построена на утлой опоре, ютилась, словно жалкие хижинки на склоне действующего вулкана.

3

Не тому учились *Пришествие. Три часа спустя*

– Ангелы! Ангелы! Ангелы! – кричала Зузана.

Она выскочила из фургона, едва дождавшись, когда тот остановится. Впереди высился «Замок чудовищ»: здесь, в марокканской пустыне, армия бунтовщиков из другого мира тайно воскрешала своих мертвых. Глинобитная стена, змеи, зловоние, гигантские твари, солдаты той самой армии, яма, полная трупов. Именно из этих развалин они с Миком сбежали глухой ночью. Невидимые. По настойчивому требованию Кэроу.

По очень настойчивому требованию.

Ведь в опасности была их жизнь.

И вот теперь они вернулись, сигналият и громко вопят. Инстинкт самосохранения? Да ладно!

В небе над касбой показалась Кэроу: она парила в воздухе, изящная, как балерина в невесомости. Зузана рванула вверх по склону, а подруга бросилась ей навстречу.

Зузана перевела дыхание и выпалила главную новость:

– Ангелы! Дьявол побери, Кэроу. В небе. Сотни. Сотни. По всему миру. С ума сойти!

Слова сыпались, как горох. Не прекращая говорить, Зуз-

ана разглядывала подругу. Всмотрелась – и отпрянула.

Что за дьявольщина?!

Хлопнула дверца машины; через минуту появился Мик. Тоже посмотрел на Кэроу. Не произнес ни слова.

Они все теперь молчали: молчание было похоже на пузырь для речи в комиксах. Место есть, а слов нет.

Кэроу... Распухшее багровое лицо ободрано и покрыто коростой. Потрескавшиеся разбитые губы, растянутая рваная мочка уха.

Рукава натянуты на кисти рук, их край зажат в кулаках. Станный, детский жест. Неловкий, будто каждое движение причиняет боль.

Она была изуродована до потери человеческого облика. И этому существовало всего одно объяснение.

Белый Волк. Мерзавец.

Зузану накрыла ярость.

А затем она его увидела. Он спускался по холму вместе с множеством химер, встревоженных их безумным появлением. Зузана сжала кулаки. Сделала шаг ему навстречу, готовая встать между Тьяго и Кэроу, – но Мик ее удержал.

– Куда ты лезешь? – прошипел он, ухватив Зузану за руку и развернув к себе. – С ума съехала? У тебя появилось жало, как у взаправдашней скорпионики?

«Скорпиониха-мегера» – ее прозвище на языке химер, любезное изобретение солдата Вирко. Так у них в мире Эрец называли бесстрашных самок, и хотя Зузана ни за что не

призналась бы даже самой себе, Мик был прав. Она все-таки больше мегера, чем скорпиониха, в лучшем случае скорпион наполовину, и совсем не так опасна, как хотела бы думать.

В тот момент она и решила: я из шкуры вылезу, но «наполовину» больше не будет. Хм. Это если мы здесь не умрем. Поскольку... черт! Столько химер, и все смотрят на нее с одинаковым выражением. Вся скорпионья храбрость Зузаны сжалась в одну точку где-то в районе сердца. Рука Мика на плече успокаивала и поддерживала; хотя Зузана вовсе не питала иллюзий, будто нежный скрипач-виртуоз защитит ее лучше, чем на это способна она сама.

– Не тому мы с тобой учились, – сказала она негромко.

– Знаю. Почему мы не самураи?

– Ну, давай станем самураями, – ответила она.

Кэроу сделала успокаивающий жест:

– Все в норме.

Волк, в окружении свиты, приблизился почти вплотную. Зузана посмотрела в упор, увидела царапины на его щеках, и ярость вспыхнула с новой силой. Теперь она уже совершенно не сомневалась, кто именно изувечил Кэроу.

Погоди-ка. Что там сказала Кэроу? «Все в норме»?

Как это в норме?!

Однако времени на размышление не осталось. Зузана прерывисто выдохнула: за спиной Кэроу, соткавшись прямо из воздуха, весь в сиянии пламени – так, как ей запомнилось, появился...

Акива?

Боже, что он здесь делает?

Рядом с ним – еще одна фигура с пылающими крыльями. Женщина, та самая, которая исходила злобой во время стычки на пражском мосту. Сейчас – до боли похожая картина. Взгляд из серии «подойди-ближе-и-я-тебя-прикончу». Рука на эфесе меча, взгляд сосредоточен на группе химер.

Акива же смотрел только на Кэроу. А она... она вовсе не казалась удивленной.

Никто не казался удивленным. Зузана попыталась понять смысл этой сцены. Почему они не атакуют друг друга? Другой вариант невозможен – особенно для этих химер и этих серафимов.

Что же происходило здесь после их с Миком побега?

Все солдаты войска химер собрались сейчас вокруг, и хотя удивления не чувствовалось, враждебность ощущалась в полной мере. Сосредоточенная сконцентрированная злоба во всех немигающих взглядах. Зузане доводилось сидеть с этими солдатами на земле и хохотать; она показывала им сценки, поддразнивала их, и ее поддразнивали в ответ. Они ей нравились. Ну, некоторые из них. Однако сейчас все химеры без исключения приводили в ужас, пугали до обморока. Они были готовы разорвать ангелов на клочки. Они переводили взгляд с Тьяго на ангелов и назад. Они ждали только приказа. Приказа убить.

Напрасно.

Зузана выдохнула и сбросила оцепенение. Поймала взгляд Иссы в толпе и вопросительно подняла бровь: какого дьявола? Ответный взгляд Иссы был менее ясен. Она неуверенно улыбнулась, подбадривая, оставаясь напряженной и встревоженной.

Что тут происходит?

Кэроу что-то сказала Акиве – на языке химер, понятно, чтоб их черти съели. Что она сказала? Акива ответил, на том же языке, а потом повернулся к Белому Волку и тоже что-то сказал.

Возможно, из-за незнания языка, поскольку ей приходилось всматриваться в лица, – а может, из-за того, что уже видела всех их раньше и знала, как они действуют друг на друга, – но Зузана ясно поняла: каким-то образом здесь, в окружении толпы чудовищ, лицом к лицу с Тяго, эту битву выиграли Кэроу и Акива.

Они стояли в десяти шагах друг от друга. Не двигались с места. Даже не встречались взглядами. Однако Зузана ощущала их как пару магнитов, изо всех сил прикидывающихся, будто никакие они не магниты.

Ну-ну.

4

Начало

Два мира, две жизни. Теперь уже нет.

Кэроу сделала выбор. «Я химера», – сказала она Акиве. И он «сбежал» из крепости вместе с сестрой, сбежал и сжег самаркандский портал. Им нужно было вернуться и сжечь еще и этот, навечно запечатав проход между миром Эрец и Землей. Он спрашивал, какой мир она выбрала? Как будто у нее был выбор! «Моя жизнь там», – вот что она сказала тогда. Совсем недавно.

И все же те слова были ложью. Окруженная созданиями, плотью от плоти которых считала себя, созданиями, подавляющее большинство которых презирали ее за связь с ангелом, Кэроу знала, что в Эреце ее ждет не жизнь, а безостановочная работа, невзгоды, изнеможение и голод. Страх. Отчуждение. И, скорее всего, смерть.

И наверняка боль.

А теперь?

– Теперь у меня есть армия, – сказал Акива. – Мы можем драться против них вместе.

Кэроу словно приросла к земле, почти не дыша. Он опоздал. Армия уже прошла портал – беспощадный Доминион Иаила, элитный легион Империи, – и тем более невооб-

разимым казалось предложение, сделанное Акивой врагу, к изумлению всех окружающих, включая его собственную сестру. Драться вместе? Кэроу видела, как Лираз подняла на него неверящий взгляд. Ее собственная реакция была схожей, поскольку одно она знала наверняка: если предложение Акивы невообразимо, то согласие Тьяго – тем более.

Да Белый Волк умрет сто раз, лишь бы не иметь дела с ангелами. Он зальет кровью весь мир. Он согласится, чтобы конец времен настал на его глазах. Он никогда не примет это предложение.

Поэтому Кэроу была потрясена, как и все остальные – хотя и по другой причине, – когда Тьяго... кивнул.

Изумленный выдох долетел с той стороны, где находились Ниск и Лиссет, его лейтенанты из племени нагов. Кто-то нервно дернул хвостом, вниз по склону полетели камешки, – и больше ни звука. Солдаты хранили молчание. В ушах Кэроу стучала кровь. Что он делает? Оставалось только надеяться, что у него есть план, – ведь сама она ничегошеньки не понимала.

Она украдкой покосилась на Акиву. Бесстрастное лицо: ни испуга, ни скорби, ни отвращения, ни страсти. Ни одного из чувств, которые озаряли его черты прошлой ночью. Маска. Такая же невыразительная, как у нее. Ни следов смятения. Все спрятано. Все!

Акива вернулся. Неужели никому не суждено окончательно сбежать из этой проклятой крепости? Вернулся. Смелый

поступок, смелый и безрассудный. Вполне в его духе.

Однако сейчас он подвергал опасности не только себя. На карту оказалось поставлено все, чего она добивалась. Он и Волка загнал в весьма уязвимое положение: тому пришлось искать убедительные причины, чтобы не убивать ангелов.

Да и ее собственная позиция очень шатка. Возможно, именно это тревожило Кэроу в первую очередь?

Акива пришел. Враг, которого она полюбила дважды, в двух своих разных жизнях, полюбила так сильно, что будто новая вселенная возникла вокруг них. Однако сейчас это не имело значения. Она была на стороне Тьяго. Она заслужила место рядом с ним. Во благо ее народа. На стороне Тьяго.

Больше того: хотя Акива не знал, этого Тьяго она создала для себя. Создала, чтобы встать с ним рядом. Белый Волк был... не совсем прежним. Она поместила в презираемое ею тело прекрасную душу – о, Зири! – и истово молилась бесчисленным богам двух миров, чтобы никто этого не распознал. Страшная, смертельная тайна, готовая рвануть в любой момент, погребя ее под собой. Сердце пропустило удар. Ладони взмокли.

Обман был таким сокрушительным, а равновесие таким хрупким. И вся тяжесть лжи легла на Зири. Провести этих солдат? Большинство служило своему генералу десятилетиями, некоторые даже веками, во множестве перерождений; они знали каждый его жест, каждое движение. Зири пришлось стать Волком: в повадках, манере держаться, в жут-

кой сдерживаемой свирепости; пришлось стать Волком, но, парадоксально, Волком, который лучше, чем Волк. Тем, кто способен повести за собой народ во имя выживания, а не кровавой мести.

К такому нужно приучать постепенно. Не мог Белый Волк в одно прекрасное утро просто выбраться из-под одеяла, зевнуть, потянуться – и заключить союз с лютым врагом.

Однако именно это Зири сейчас и сделал.

– Иаила нужно остановить. – Он говорил как о непреложном факте. – Если он получит человеческое оружие и заручится их поддержкой, ни для кого из нас не останется надежды. По крайней мере, в этом мы по одну сторону баррикады.

Он говорил тихо, демонстрируя полную власть над своими солдатами. Такова была манера Волка, и воплощение Зири изъянов не имело.

– Сколько их?

– Тысяча, – ответил Акива. – В этом мире. Но, без сомнения, с той стороны портала своей очереди ждут другие.

– Вот того портала? – Тяго мотнул головой в сторону Атласских гор.

– Другого, – ответил Акива. – Хотя и этот тоже опасен. У них есть возможности его обнаружить.

Говоря, он не смотрел на Кэроу, но ее обожгло как огнем. Из-за нее в Эрец попал мерзкий Разгут, и он легко мог показать командованию Доминиона портал, как когда-то показал ей. Химеры попадут в ловушку, их лишат путей отступления

в собственный мир и заперт с обеих сторон. Убежище, куда она привела химер, станет их могилой.

Тьяго и бровью не повел.

– Отлично. Давайте выясним.

Он оглянулся на солдат, и они напряглись, ловя каждое его движение. Что он задумал? Ведь происходит нечто совершенно невозможное! Сейчас, вот сейчас он отдаст приказ прикончить ангелов. Это просто часть какого-то плана. Наверняка.

Генерал скомандовал:

– Оора, Сарсагон! Послать разведчиков. Я хочу знать, есть ли за нашим порталом подразделения Доминиона. Если есть, удерживайте портал. Чтобы ни один ангел не пробился.

При мысли о мертвых ангелах Тьяго по-волчьи ухмыльнулся, и с лиц солдат ушло напряжение и настороженность. В отличие от предыдущего этот приказ звучал логично: Волк радовался, представляя потоки вражеской крови.

– Выяснить и отправить гонца. Исполнять!

Они повиновались. Оора и Сарсагон, выбираясь из толпы, собирали своих солдат быстро и решительно. Баст, Кита-Эйри, грифоны Вазра и Аштра, Лиливетт, Элгет, Эмилион.

– Остальные – назад во двор. Будьте готовы выдвинуться, если поступит благоприятный доклад. – Он помолчал. – И будьте готовы к бою, если неблагоприятный.

И тень улыбки на его лице намекала, что сам он предпочел бы второй вариант.

Хорошо сыграно. Кэроу почувствовала некоторое облегчение. Приказы отданы и исполнены. Быстрая жесткая реакция на предложение ангела. Солдаты шагали вверх по холму. Если бы Зири умел держаться с такой неподражаемо властной манерой, даже самые дикие из его солдат бегали бы за ним как собачонки.

Ну, впрочем, были и исключения. Исса торопилась вниз, дерзко расталкивая поднимающихся солдат. Да и лейтенанты не торопились выполнять распоряжение. Кроме Сарсагона: тому был дан прямой приказ. Вся остальная свита Волка расходиться не желала. Тен, Ниск, Лиссет, Парк и Вирко. Те, кто подчинились другому приказу Волка и оставили Кэроу у ямы вместе с ним. Впрочем, Тен сейчас была настолько же Тен, насколько Тяго оставался Тяго.

Кэроу их ненавидела. Без сомнения, там, у ямы, они скрутили бы ее по первому же требованию Волка; оставалось радоваться, что тогда он не видел в этом необходимости.

Сейчас промедление играло против них. Они не выполнили приказ Тяго, поскольку считали, что их-то он не касается. Они ждали, что им отдадут иные распоряжения. И то, как они смотрели на Акиву и Лираз, ясно показывало, каких слов они ждут от генерала.

– Кэроу, – шепнула Зузана, придвинувшись поближе, – что тут, черт возьми, происходит?

Что происходит? Все проблемы, которые, как ей казалось, она разрешила в прошлом, теперь возвращались бумерангом

одна за другой.

– Все, что только можно, – ответила она сквозь зубы. Здесь происходит все, что только можно.

Два монстра, Ниск и Лиссет, стояли, приподняв руки, в полной готовности направить свои хамсы на Акиву и Лираз. Чтобы обездвигнуть и уничтожить. Решительные, готовые к драке ангелы... И Зири между ними. Бедный, бедный Зири, одетый в чужую плоть, старательно играющий свирепого дикаря, – играющий лицом, не сердцем. Тяжкое бремя. От того, справится ли он, зависело все. Мятеж, будущее всех живущих ныне химер, всех душ, ожидающих в соборе Бримстоуна. Обман оставался их единственной надеждой.

Десять долгих, вязких секунд.

Исса поравнялась с ними ровно в то мгновение, когда заговорила Лиссет:

– Ждем вашего приказа, сэр.

Исса обняла Мика и Зузану, бросив на Кэроу предостерегающий тревожный взгляд.

– Я отдал приказ, – холодно процедил Тьяго. – Что-то не ясно?

От чего предостерегал взгляд Иссы? Мысли Кэроу вернулись к событиям прошлой ночи. После того как она с холодной уверенностью, которую сама не испытывала, дала Акиве окончательную отставку и отправила его прочь – как ей думалось, необратимо, – Исса сказала: «Твое сердце не ошибается. Тебе нечего стыдиться».

Стыдиться Акивы и его любви, имела она в виду. И что тогда ответила Кэроу? «Это не имеет значения». Она пыталась и сама поверить, что ее собственные чувства не имеют значения, что они с Акивой не имеют значения, и единственное, что важно сейчас, – мир, замерший на краю.

– Сэр! – воскликнул Ниск, еще один наг. – Но нельзя же пощадить ангелов?

Пощадить ангелов. Именно это стояло сейчас на кону: жизнь Акивы и жизнь Лираз. Они вернулись, чтобы всех предостеречь. Настоящий Тьяго, ни минуты не колеблясь, приказал бы их прикончить. Акива не знал, что Тьяго подменный, и все равно пришел. Ради нее.

Кэроу посмотрела на него, поймала его пристальный взгляд – и поняла, что места лжи не осталось.

Все имеет значение. И они сами, и то, что помешало им убить друг друга на поле у Булфинча, и все эти годы... Все имело значение.

Тьяго не ответил Ниску. Ни словом, ни жестом. Только бросил взгляд, и свой вопрос солдат договаривал в тишине. Волк всегда был хозяином положения, то, насколько его копировал Зири, пугало.

– Во двор, – с едва ощутимой угрозой повторил он. – Все, кроме Тен. Мы обсудим мои... планы... когда я здесь закончу. Выполнять!

Они пристыженно попятились. Кэроу с облегчением перевела дух, но Волк посмотрел на Иссу, а потом на нее.

– К вам это тоже относится.

Вполне в стиле Тьяго. Он не доверял Кэроу, лгал и манипулировал, и в этой ситуации он наверняка бы прогнал ее вместе с остальными. И точно так же, как Зири разыгрывал свою роль, она играла свою. Пусть на самом деле именно она была направляющей силой этого нового плана, благословленная на битву Бримстоуном с одобрения Воителя, но в глазах армии химер она по-прежнему оставалась – по крайней мере сейчас – избитой потаскухой, которая, спотыкаясь, брела прочь от ямы.

Тьяго и его сломанная игрушка.

У них была только одна точка отсчета, начало их безумного обмана: яма – мертвая, вонючая, залитая кровью... яма, в которой зародилась эта ложь. И сейчас у Кэроу не было выбора. Она покорно кивнула Волку; живот свело, когда при виде этого глаза Акивы потемнели. А Лираз... Лираз смотрела с презрением.

Трудно принять такое.

Хотелось завопить: Волк мертв! Я его убила! Не смотрите на меня так!

Конечно, она смолчала. Сейчас надо собрать все силы, чтобы выглядеть слабой.

– Пошли. – Кэроу подтолкнула Иссу, Зузану и Мика вперед.

Но Акива не намерен был с этим мириться.

– Подожди. – Он обратился к ней на языке серафимов,

который здесь никто больше не знал. – Я пришел поговорить не с ним. Я хотел застать тебя без свидетелей и предложить выбор. Я хочу знать, чего ты хочешь.

Чего я хочу? Кэроу подавила приступ истерического смеха. Как будто от ее желаний что-нибудь зависит!

А все-таки, чего же она хочет? Она и сама не знала, как это выразить. Союза? Мятежные химеры объединяются с Незаконнорожденными под командой Акивы и завоевывают Империю?

Просту говоря, бред. Она сказала:

– Даже объединившись, мы окажемся в абсолютном меньшинстве.

– Альянс – не только число мечей.

Его мягкие интонации напомнили ей о той, другой жизни. Он добавил:

– Но кое-что еще.

Долгую секунду Кэроу смотрела на него – а потом взяла себя в руки и заставила опустить глаза. «Но кое-что еще». Ответ на вопрос, можно ли во имя их мечты о мире привлечь других. Минутой раньше, прижав руку к сердцу, Акива сказал: «Мы и есть начало». И повернулся к Тяго. Никто не знал, что это значит. Кроме Кэроу. И в ее сердце вновь ожила мечта.

Мы и есть начало.

Когда-то давно эту фразу произнесла она. Теперь повторил он. Так вот что значило его предложение заключить со-

юз: прошлое, будущее, раскаяние, возрождение. Надежда.

Все на свете – вот что это значило.

Однако сейчас Кэроу не могла в этом признаться. Ниск и Лиссет стояли на вершине холма и не отводили взгляда. Как это: Кэроу – «любовница ангела» и Акива – тот самый ангел – тихо разговаривают между собой на языке серафимов, а Тьяго не вмешивается?! Так не бывает. Волк, которого они знали, уже обагрил бы клыки кровью.

Момент истины, проверка их огромного обмана: с каждым произнесенным звуком терпение Волка все более истощалось. Поэтому Кэроу опустила взгляд к обожженной закаменевшей земле и сгорбила плечи, как сломанная кукла, которую изо всех сил желала изобразить.

– Как решит Тьяго, – ответила она на языке химер, стараюсь играть со всей возможной убедительностью.

Со всей возможной убедительностью.

Что же делать? Как бы то ни было, Акива явился, подгоняемый призрачной надеждой. В пепел, в пепел и кровь, ознаменовавшие дни их любви, он пытался вдохнуть жизнь. Какой еще путь оставался? Только вперед. Она хотела того же.

Нужно подать ему знак.

Исса сжала локоть девушки. Кэроу наклонилась, повернувшись таким образом, чтобы змеиное тело наги заслонило ее от наблюдающих химер, а затем быстро-быстро подняла руку и коснулась груди.

Заметил ли Акива? Сердце колотилось набатом. Мы и

есть начало. Осознание этого пришло от Мадригал, прежнего «я», скрытого в глубине ее теперешней личности, от Мадригал, которая верила, даже умирая. Осознание яркое, пронзительное. Кэроу склонилась к Иссе, пряча покрасневшее лицо.

Голос наги был таким тихим, что казался отзвуком мыслей самой Кэроу:

– Видишь, дитя? Твое сердце не ошибается.

И впервые за долгое, долгое время Кэроу почувствовала облегчение. Ее сердце не ошибается.

Через предательство и отчаяние, в окружении враждебных чудовищ и идущих на штурм ангелов, среди потоков лжи – зарождающимся взрывом, непонятно как, все началось здесь и сейчас.

Игра в знакомство

Акива не пропустил поданный знак. Он видел, как пальцы Кэроу слегка тронули сердце и отдернулись. Все не напрасно. Риск, усилие, к которому он принуждал себя, разговаривая с Волком, даже яростное недоверие Лираз. Не напрасно.

– Ты помешался, – сказала сестра еле слышно. – Твоя армия? Какая армия? Ты – часть армии. Это совсем другое.

– Знаю.

Он обратился к химерам не от своего имени. Незаконно-рожденное братство ожидало результата в пещерах Кирин. Так что никакого вранья. Они родились, чтобы послужить оружием. Не сыновья и дочери, даже не мужчины и женщины – просто оружие. А теперь оружие решило послужить себе, и хотя в борьбе против Империи их сплотил Акива, альянс со смертным врагом вовсе не был частью первоначального замысла.

Он сказал:

– Я сумею их убедить.

И в своем теперешнем радостном возбуждении – Кэроу коснулась сердца! – даже сам в это поверил.

– Начни с меня, – прошипела сестра. – Мы пришли сюда их предупредить, а вовсе не вступать в союз.

Акива понимал: если удастся убедить Лираз, то за ним пойдут и остальные. Однако он не знал, как этого достичь, а появление Белого Волка связывало ему руки.

Сопровождаемый лейтенантом-волчицей, Тяго шагнул вперед, и возбуждение Акивы угастро. Ему вспомнилась первая встреча с Волком: в Бат-Коле, во время атаки, когда сам он был зеленым новичком, новобранцем только из тренировочного лагеря. Акива видел, как сражается генерал химер. Не требовалась никакая пропаганда: само это зрелище породило ненависть к чудовищам. С мечом в одной руке и топором в другой Тяго пробивался сквозь строй ангелов, разрывая глотки зубами. Его вел инстинкт. Или голод?

Память причинила боль. Все, что он помнил о Тяго, причиняло боль, особенно глубокие борозды на его лице, наверняка следы от ногтей Кэроу. Когда генерал остановился рядом, Акива еле удержался от пощечины и от удара. Меч в сердце – и Тяго повторит судьбу Иорама. И затем для всех оставшихся в живых все начнется заново: кто удержит смертельных врагов, если командиры погибнут?

Он не мог себе этого позволить.

Кэроу оглянулась, и беспокойство затопило ее милое лицо – лицо, все еще несущее отметины насилия, причину и источник которого она не захотела ему объяснить. Оглянулась – и двинулась прочь. Теперь они остались пара на пару, лицом к лицу: Тяго и Тен – и напротив Акива и Лираз. А в синем небе ярко пылало солнце, и под ногами каменела земля.

– Так, – сказал Тьяго. – А теперь поговорим без лишней публики.

– Насколько я помню, публику ты любишь, – заметил Акива.

Воспоминания всплывали такие яркие, как будто все случилось только что. И мучили. Перенесенные им пытки – часть спектакля: Белый Волк, звезда своего проклятого шоу.

Гримаса замешательства появилась на лице Тьяго. И пропала.

– Забудем прошлое. Настоящее оставляет нам достаточно тем для обсуждения. И будущее, разумеется.

Чтоб тебя в этом будущем не было, подумал Акива. Представить только: если они каким-то образом справятся в настоящем – несбыточная мечта, – Белый Волк никуда не денется. Он будет присутствовать в их жизни: по-прежнему белый, по-прежнему элегантный. И когда битва закончится и они победят, он снова придет к двери Кэроу.

Нет, этому не бывать. Акива стиснул зубы и заставил себя успокоиться. Кэроу – не приз победителю. Он пришел сюда не поэтому. Она женщина и вправе выбирать собственную жизнь. Он здесь, и он сделает все, что в силах, ради ее права на выбор. Что бы она ни выбрала – это ее дело. Только ее.

Поэтому сейчас он стиснул зубы и сказал:

– Так давай говорить о настоящем.

– Явившись сюда, ты задал мне сложную задачу. – Волк хмыкнул. – Мои воины ждут, что я тебя убью. И мне нужна

вская причина, чтобы этого не сделать.

Замечание вывело Лираз из себя.

– Надеешься, тебе это по силам? Ну-ну. Давай, Волк.

Тьяго невозмутимо перевел на нее взгляд.

– Мы друг другу не представлены.

– Ты знаешь, кто я такая. Я знаю про тебя. Этого довольно.

Обычные фокусы Лираз.

– Как тебе будет угодно, – сказал Тьяго.

– Вы на одно лицо, – протянула Тен.

– Отлично, – бросила Лираз. – Тогда вам придется помучиться, чтобы нас различить. Игра в знакомство выйдет забавнее.

– Игра? – спросила Тен.

Не надо, Лир, подумал Акива. Зря.

– Игра. Вычислить, кто из серафимов убил каждого из вас в прежних телах. Уверена, кое-кто меня вспомнит.

Она подняла руки, собираясь похвастаться татуировками. Акива накрыл ее кисть своей и потянул вниз.

– В другой раз.

Что с ней творится? Она действительно хочет спровоцировать кровавую бойню и оборвать это почти немислимое перемирие.

Когда Акива придержал руку сестры, Тен издала смешок.

– Не волнуйся, Истребитель Тварей. Это вовсе не секрет. Я помню каждого ангела, который когда-либо меня убивал. И однако сейчас я стою здесь и с тобой разговариваю. Можно

ли то же самое сказать о множестве ангелов, которых убила я? Где сейчас все мертвые серафимы? Где твой брат?

Лираз вздрогнула. Эти слова были им обоим как иголка в рану: упоминание о брате причиняло почти физическую боль. И когда вокруг ангелов полыхнуло пламя, источником был не только гнев сестры, но и его собственный.

Вот теперь все пришло в норму. Вражда: восстановление естественного порядка вещей.

Или... нет.

– Однако убийца твоего брата – не химера, – сказал Тьяго. – Это Иаил. Что возвращает нас к теме разговора.

Акива поймал себя на том, что смотрит прямо в бледные глаза врага. В них не было ни насмешки, ни скрытой агрессии, ни холодной издевки, с которыми Тьяго разглядывал Акиву в камере пыток столько лет тому назад. Сейчас в глазах Волка была только странная настойчивость.

– Я ничуть не сомневаюсь, что все мы – законченные убийцы, но, надо полагать, сегодня мы встретились по другой причине?

Акиве сделалось нестерпимо стыдно: его хладнокровно отчитали – и кто? Тьяго? А вслед за стыдом пришел гнев.

– По другой, да. Вовсе не для того, чтобы торговаться за наши жизни. Тебе нужна причина, чтобы нас не убивать? Как насчет такой: вам есть куда отсюда уйти?

– Нет. Некуда.

Вот так. Просто. Честно.

– И поэтому я готов слушать. Это ведь ты пришел с предложением.

Именно так. Он сам решил предложить Белому Волку мир. Сейчас, стоя с генералом лицом к лицу, без Кэроу, Акива видел всю абсурдность такого предложения. Ослепленный отчаянием и страстной жадой оказаться с нею рядом, не потерять ее на безбрежных просторах Эреца, не расстаться навечно врагами, он утратил рассудок. Поэтому сделал свое предложение – и только сейчас запоздало удивился тому, что Волк вообще что-то обсуждает.

Что Волк ищет причину его не убивать?!

Очередная демонстрация агрессии, провокация? Или всего лишь прямота? Возможно ли, что генерал тоже хочет этого мира, но желает обосновать его перед войском?

Акива ответил:

– Незаконнорожденные передислоцировались в безопасное место. С точки зрения Империи мы предатели. Я отцеубийца и цареубийца, и моя вина легла пятном на всех остальных. – Он помолчал, подбирая слова. – Если ты всерьез готов это обсуждать...

Тьяго перебил:

– С моей стороны нет подвоха. Даю слово.

– Слово? – Лираз сухо усмехнулась. – Этого маловато, Волк. У нас нет причин тебе доверять.

– Ну, как посмотреть. Вы оба живы, не так ли? Я не жду благодарности, но вы ведь понимаете, что это не вопрос уда-

чи или везения? Вы явились сюда полумертвыми. Если бы я хотел покончить с вами, ваши тела уже валялись бы в яме.

Возразить было нечего. Действительно, Тяго оставил им жизнь. И позволил бежать.

Почему?

Ради Кэроу? Она просила за них? Или... нет...

...или... заключила сделку?

Акива перевел взгляд на склон. Кэроу стояла перед сводчатыми воротами касбы и наблюдала за ними. Слишком далеко, выражения не разобрать. Он повернулся к Тяго: лицо Волка было по-прежнему лишено выражения жестокости, лицемерия и даже обычной холодности. Глаза широко открыты, характерный презрительно-пренебрежительный прищур отсутствует. Что-то изменилось в нем. Отчего?

На ум пришло объяснение, но оно приводило в ярость. Тогда, в камере пыток, гнев Тяго был гневом соперника – проигравшего соперника. Помимо застарелой ненависти их рас в его сердце пылало нечто более сильное: бешенство отвергнутого альфа-самца. Унижение. Желание отомстить за то, что Мадригал полюбила не его, а Акиву.

Сейчас этого не было – а значит, не было и причины. Акива больше не соперник, не угроза. На сей раз Кэроу выбрала другого.

Теперь все сходилось. Тяго больше не злится, ему незачем требовать смерти Акивы. Кэроу, о божественные звезды! Кэроу! Если бы не та гнусная история, если бы ангел

не помнил, что на самом деле таится в сердце Тьяго, все казалось бы таким понятным: генерал и воскресительница, лорд и леди, последняя надежда народа химер. Однако Акива знал истинную суть Тьяго. Знала и Кэроу.

Да и жестокость Тьяго – уже не прошлое, а настоящее. Опущенные глаза Кэроу, ее испуг и робкая неуверенность. Синяки, царапины. И все же в существе, стоящем сейчас перед Акивой, воплощены лучшие качества командира: интеллект, власть, разум. Если Тьяго действительно таков, то у союза есть шансы. И тогда Акива снова будет неподалеку от Кэроу, пусть даже на самой кромке ее жизни, сможет хотя бы видеть ее и знать, что с ней все в порядке. Сможет искупить свои грехи. И вдобавок получит шанс остановить Иаила.

С другой стороны, если Тьяго действительно таков – сильный, властный, с ясным умом, – если он плечом к плечу с Кэроу решает судьбу своего народа, то где здесь место для Акивы? И, говоря прямо, в силах ли он смотреть, находиться неподалеку и... что?

Тьяго сказал:

– Еще одно. Я у тебя в долгу. За души химер.

Акива прищурился:

– Не пойму, о чем ты.

– Внутренние Земли. Ты вмешался, когда пытали молодого солдата. Он сбежал, вернулся к нам и вернул души всех бойцов из своего отряда.

А, род Кирина. Но откуда об этом стало известно? Ведь

никто не видел. Акива тогда призвал птиц, издалека.

Так что сейчас он просто мотнул головой, намереваясь все отрицать.

Реакция Лираз его удивила.

– А где он? – спросила она Тяго. – Что-то я его не заметила.

Она специально смотрела? Акива нахмурился. Тяго напрягся и испытующе глянул на Лираз.

– Мертв, – сказал он после некоторой заминки.

Мертв. Юный Кириин, последний из племени Мадригал.

Лираз промолчала. Акива сказал:

– Я сожалею.

Тяго снова перевел на него взгляд.

– Однако благодаря тебе будут жить бойцы его отряда. И, возвращаясь к теме нашей беседы: его пытал тот самый ангел, которому мы теперь должны противостоять?

Акива кивнул:

– Иаил. Капитан Доминиона, а сейчас Император. Пока мы разговоры разговариваем, он копит силу. Я уверен: если перейти от слов к делу, то можно его остановить. Если твои солдаты способны различать ангелов и драться против Доминиона плечом к плечу с Незаконнорожденными, давай заключим союз.

Лираз холодно добавила, обращаясь к Тен:

– Мы носим черное, они – белое. Если это поможет.

Волчица лаконично ответила:

– На вкус – одинаково.

Тьяго предостерегающе бросил:

– Тен, пожалуйста.

А потом обратился к Акиве:

– Ну, посмотрим.

Он кивнул и посмотрел ангелу в глаза. Ни безумия, ни жестокости в этом взгляде по-прежнему не было, но Акива невольно вспомнил, как Волк клыками разрывал глотки.

Что я делаю? Не погубит ли нас мое решение?

Вернувшиеся с того света солдаты-фантомы и легион императорских бастардов. Вместе. В лучшем случае получится жалко. В худшем – катастрофично.

И все же, несмотря на бесчисленные опасения, будущее, полное света и тепла, манило, звало к себе. Дарило не обещание – надежду. Ее, эту надежду, пробудил не только быстрый жест Кэроу. По крайней мере, Акиве хотелось так считать.

Есть дело, и его нужно сделать. Не глупость, а смелость.

Время покажет. Только время.

6

Исход

Кэроу уже видела переход маленькой армии из одного мира в другой. Не слишком радостное воспоминание. Тогда большая часть войска состояла из бескрылых солдат, и был только один способ вытащить их за пределы Эреца. Крылатые сделали по многу рейсов, а Тяго требовал «избавляться от балласта»: переносить души и в кадилъницах, а тела оставлять. Разумеется, к нему самому и к его лейтенантам требование не относилось: они преодолели воздушный портал верхом на летающих гигантах.

На сей раз стараниями Кэроу крылатых химер было куда больше, и подобная «экономия» не потребовалась.

Яма не получила новых тел.

Отряд улетал, и она бросила вниз последний взгляд. Касба осталась далеко внизу, маленькая, жалкая. Темная вмятина в полотне пылевых завихрений – просто пятно в окружении меньших пятнышек-курганов. Где-то там истертые следы нападения Тяго и темные брызги пролитой крови. А на дальнем краю насыпи, неприметное, не известное никому, кроме нее, еще одно памятное место – могила Зири.

Совсем мелкая; Кэроу сбила руки до мозолей, выкапывая яму хотя бы такой глубины, но никто не заставил бы ее сдать-

ся. Последний образец истинной плоти Кирин не должен был гнить в зловонной яме, полной пирующих мух. Хотя избежать мух и разложения не удалось. Ей пришлось склониться над краем смрадного, кишашего червями месива, чтобы собрать души Амзаллага и Живых Теней, убитых Волком и его приближенными за то лишь, что они приняли сторону Кэроу.

Как она желала, чтобы они снова были рядом с ней! Плечом к плечу, а не в унесенной прочь и припрятанной до поры кадьнице. Надолго? Она не имела понятия. Пока не настанет время, которое сейчас трудно даже представить: все закончится миром и не придется больше лгать.

Если это время вообще настанет.

А настанет ли оно, зависит от нас.

Разведчики Тьяго доложили: присутствия серафимов в радиусе нескольких миль от портала в Эрец не наблюдается. Хорошо, конечно, но можно ли полностью положиться на эти наблюдения? Пока Разгут в руках у Иаила, может произойти все, что угодно.

Плохое решение: уходить – улетать, – когда все приведено в движение. А что еще им оставалось? Отряд сейчас насчитывал только восемьдесят семь химер – восемьдесят семь «чудовищ» в глазах жителей Земли. Возможно, «демонов», если Иаил уверил людей в своей святости. Слишком мало, чтобы атаковать и заставить его убраться. Если они нападут сейчас, то не только проиграют, но своим поражением помо-

гут ему. Один взгляд на тех солдат, что изготовила Кэроу, – и люди сами вложат в руки Иаила ракетные установки.

А с Незаконнорожденными Акивы у них, по крайней мере, есть шанс.

Конечно, здесь кроется главная проблема: союз. Убедить химер. Проскочить по лезвию бритвы. Заставить мятежников пойти против самых глубоких инстинктов. Манипулировать. Кэроу понимала, что каждый шаг будет вызывать сопротивление. Чтобы построить будущее, им надо научиться выигрывать сражение за каждый шаг. И кому это «им»? Кроме нее и лже-Тьяго тайну знали только Исса и Тен, которая на самом деле не Тен, а Аксая, не настолько злобная, как настоящая Тен, но такая же вспыльчивая. Ну, теперь еще Зузана и Мик.

– Что это с тобой? – недоверчиво спросила Зузана, когда они оставили Акиву и Тьяго вести переговоры. – Закорефанилась с Белым Волком?

Кэроу уклончиво ответила:

– Закорефанилась? Как сказать. Все равно что приманивать акулу на кровь.

– Будем считать, что это метафора, но метафора, опирающаяся на реальность. Что он с тобой сделал? У тебя все в порядке?

– Уже да.

Кэроу стало чуть легче, когда она разубедила друзей в своей «дружбе» с Тьяго, однако рассказ о Зири дался ей тяжело.

Оба плакали, ее глаза тоже наполнились слезами, что, несомненно, демонстрировало войску ее собственную слабость.

Впрочем, все это она в состоянии пережить, но, великие боги и звездная пыль, как быть с Акивой? Позволить ему поверить, будто она «закорефанилась» с Белым Волком? И как тогда себя вести? За ней внимательно наблюдали со всех сторон. Некоторые с любопытством: «Она по-прежнему влюблена?» – другие с тяжелой подозрительностью, готовые выискивать предательство и подозревать заговор в каждом ее жесте и взгляде.

Чтобы не дать им пищу для подозрений, она в каске держалась подальше от Акивы и Лираз, даже не смотрела в их сторону.

Тьяго выдвинулся во главу колонны верхом на солдате по имени Ютем. Тот был из ветви Виспенгов, полуконь-полудракон, с длинным извилистым телом. Самый крупный и самый поразительный из химер, и на его спине Тьяго выглядел царственно.

Исса, тоже верхом, держалась около Кэроу; а прямо в центре войска, нелепые, как маленькие воробышки, вцепившиеся в спины динозавров, сидели Зузана и Мик.

Зузана на Вирко, Мик на Эмилионе, глаза широко распахнуты, руки судорожно цепляются за кожаную упряжь. Тяжелые тела химер под ними содрогаются, ввинчиваясь в воздух. Закрученные бараньи рога Вирко напомнили Кэроу Бримстоуна. С кошачьим телом, но огромный: мощные напряг-

шиеся мышцы, как у льва перед прыжком, на шее и спине топорщатся шипы, поверх которых Зузана уложила шерстяное одеяло. От одеяла разило, как от немых ног.

– Ну и выбор: всю дорогу нюхать эту вонь или выколоть глаза шипами. Ужас, – жаловалась она.

Сейчас Зузана только вопила: «Ты нарочно!» – когда Вирко подавал влево, заставляя ее легкое тело съезжать в самодельном седле, а потом делал вираж в обратную сторону, возвращая «всадницу» на место.

Вирко хохотал; Зузана его веселья не разделяла. Она подняла голову, озираясь, нашла Кэроу и крикнула:

– Мне нужен другой конь. Этот считает себя юмористом!

– Пока не выйдет!

Кэроу подлетела ближе, обойдя на вираже пару перегруженных грифонов. Она тоже была навьючена большим тюком со снаряжением и длинной связкой скрепленных кадильниц, внутри которых содержались многие десятки душ. При полете все это клацало и громыхало – никакого изящества.

– Другого нет. Вирко вызвался сам.

И правда, не будь Зузана такой легонькой, людей захватить с собой не удалось бы. Вирко тащил ее вдобавок к полной нагрузке. Что касается Эмилиона, несколько солдат безмолвно разобрали часть его ноши, чтобы он посадил себе на спину Мика: тот, хотя и не был особенно крупным, все-таки в отличие от Зузаны весил чуть больше лепестка. Скрипка

ехала вместе с ним, это не обсуждалось. Было понятно, что друзья Кэроу завоевали в этой группе солдат прочную привязанность. Привязанность, которой она сама не заслужила.

У нее есть только Зири. И пусть он выглядел сейчас совсем иначе, но ощущение того, что он рядом, согрело.

Зири рядом, и он в нее влюблен.

– Почему нет пегасов? – требовательно спросила Зузана, побледнев, когда земля оказалась далеко внизу. – Милых послушных летающих лошадок с мягкой гривой вместо шипов. Летишь себе, будто на облачке.

– Ничего нет страшнее для врага, нежели пегасы, – заявил Мик.

– Ну, в жизни есть цели поважнее, чем приводить в ужас врагов, – заметила Зузана. – И вообще, не надо о грустном. Ай!

Она взвизгнула: Вирко внезапно поднырнул, чтобы проскочить под брюхом кузнеца Эгира, и попытался поймать тюк с вооружением. Кэроу схватила тюк за угол, помогая ему. Вместе им удалось справиться, и Вирко поднялся выше, выравнивая полет.

– Не обижай ее! – окликнула она его на языке химер. – Или в следующий раз воскреснешь пегасом.

– Нет, только не это!

Вирко выровнялся, и у Кэроу мелькнула мысль: а ведь жизнь еще преподносит ей сюрпризы! Она думала о себе и Зуз: всего несколько месяцев назад они, раскрыв мольберты,

рисовали в студии. А потом, подобрав ноги, сидели на гробостоле в «Ядовитой кухне». Мик тогда был просто «мальчиком со скрипочкой». И вдруг – бац! – Мик со скрипочкой за плечом верхом на чудовище отправляется в другой мир, а сама Кэроу угрожает монстрам в отместку за плохое поведение возродить их в неправильном теле.

На краткий миг, забыв о тяжелом выюке с оружием, о кадилъницах и прочем грузе, а главное, о бремени долга, обмане и о будущем двух миров, Кэроу ощутила легкость. Снова проснулась надежда.

А затем услышала злобный смех и краем глаза уловила взмах руки. Кита-Эйри, шакалоголовая драчунья из племени Саб – Кэроу однажды довелось с ней столкнуться. – направляла на Акиву и Лираз сверкающие хамсы – «глаза дьявола». Летящий рядом Парк делал то же самое; оба хохотали.

Надеясь, что серафимы вне пределов досягаемости, Кэроу покосилась в их сторону. И увидела, что Лираз замерла на полувзмахе и сбилась с движения. Ее ярость ощущалась даже на таком расстоянии.

Нет, не вне досягаемости. Акива придвинулся к сестре, удерживая ее от ответного нападения.

Снова издевательский смех, и химеры затеяли соревнование. Кэроу до боли сжала кулаки. Она не могла позволить себе вмешаться – стало бы только хуже. Стиснув зубы, она следила, как Акива и Лираз увеличили расстояние: плохой знак.

– Как ты, Кэроу? – раздался пришептывающий тихий голос.

Кэроу повернулась. Лиссет.

– Отлично.

– Да? А выглядишь напряженной.

Лиссет и ее партнер Ниск хоть и принадлежали к той же расе, что и Исса, были вдвое крупнее: как питон против гадюки. С бычьими шеями, тяжелые, но смертоносно быстрые; ядовитые клыки, нелепые крылья. Собственное творение Кэроу, чего уж тут. Глупо.

Она сказала Лиссет:

– Не волнуйся за меня.

– Ну, как же? Как же не волноваться за любовницу ангела?

Совсем недавно это оскорбление язвило ее словно жало, сейчас же Кэроу ответила небрежно:

– У нас так много врагов, Лиссет. Большинство из них – наши кровники. Мы унаследовали от предков вражду и долг. Но есть и те, которых мы завели сами. Таких врагов надо выбирать осторожно.

Лиссет подняла бровь:

– Ты мне угрожаешь?

– Угрожаю? Тебе? Да с чего ты решила? Я говорю о возникновении вражды. Глупо воскресшему солдату затевать вражду с воскресителем.

Лицо Лиссет превратилось в маску. Получила?

Летающие впереди раздалились в стороны: к ним направлял-

ся Тьяго верхом на Ютеме. Отряд перестроился, движение замедлилось.

– Милорд, – приветствовала его Лиссет.

Кэроу явственно почувствовала, что еще минута, и Лиссет скажет: «Милорд, любовница ангела мне угрожала». Она опасна, надо следить за ней пожестче. Счастье, что Волк не дал Лиссет – и никому другому – шанса что-либо сказать. Хорошо поставленным зычным голосом он спросил:

– Если я впереди – вы считаете, я не знаю, что думают мои бойцы?

Волк помолчал.

– Вы – кровь в моих жилах. Я ощущаю каждое биение пульса и каждый ваш вздох. Мне известна ваша боль и радость. И я отчетливо слышу смех.

Он обвел глазами окруживших его солдат. Шакалоголовая Кита-Эйри больше не смеялась. Взгляд Тьяго остановился на ней.

– Если бы я хотел, чтобы ты выступила против наших... союзников, я бы тебе сообщил. А если ты полагаешь, что я просто забыл дать приказ, будь добра, отрапортуй мне. Тогда и я кое-что скажу.

Слова были обращены ко всем, Ките-Эйри просто не повезло стать средоточием этого ледяного сарказма.

– Тебя устраивает такая договоренность, солдат? Ты одобряешь?

Голосом тонким от унижения Кита-Эйри шепнула:

– Да, сэр.

Кэроу ей почти посочувствовала.

Волк снова повысил голос:

– Я очень рад. Вместе мы шли в бой и вместе переживали потери. Мы истекали кровью и кричали. Вы шли за мной в огонь, на смерть, в другой мир, но ни разу нам не довелось сталкиваться с чем-то настолько же странным, как сейчас. Общее пристанище для химер и серафимов? Возможно, странно, однако я был бы очень разочарован, если бы утратил ваше доверие. Сейчас нет места несогласию. Любой, кто не в состоянии придерживаться выбранного курса, может уйти сразу после прохождения портала и действовать на свое усмотрение.

Он обвел взглядом лица химер. Его собственное, суровое, сосредоточенное, светилось внутренним светом.

– Что касается ангелов. Я ничего не прошу от вас, только терпения. Сейчас мы не можем бороться с ними так, как делали это раньше: слишком мало сил. Я не спрашиваю у вас позволения искать новый путь. Если вы остаетесь со мной, я вправе рассчитывать на доверие. Будущее пока не определено, и я могу пообещать только одно: мы будем драться за свой мир до последнего отзвука наших душ, и если достанет удачи, силы и ума, то, возможно, сумеем восстановить кое-что из утраченного.

Волк переводил взгляд с одного на другого, оценивая все, что увидел. И его взгляд дарил им веру, более того, веру вза-

имную. Он продолжил:

– Если мы не сумеем остановить эту новую угрозу, придет конец. Конец народу химер.

Пауза. Взгляд, обойдя круг, вновь остановился на Ките-Эйри. Волк мягко сказал, и эта мягкость перекрыла ужасный смысл произнесенных слов:

– Не над чем смеяться, солдат.

А затем послал Ютема вперед, прокладывая путь через войско в голову колонны. Солдаты молча занимали место в строю, и Кэроу понимала, что не уйдет ни один и что Акиве и Лираз весь оставшийся путь не грозят разящие удары хамс.

Отлично. Она испытала прилив гордости за Зири, а еще – благоговейный страх. В своем естественном теле молодой солдат был тих и почти застенчив – в отличие от красноречивого самовлюбленного красавца, чью плоть теперь носил. Наблюдая за ним, она дивилась: глупо, что раньше эти сообщения не приходили ей в голову. Странно, как сильно его изменило пребывание в теле Тьяго.

Однако мысли исчезли так же быстро, как пришли. Это – Зири. Из огромного множества ее тревог беспокойство о том, как изменит его огромная власть, было далеко не на первом месте.

Другое дело Лиссет. Кэроу взглянула на нее, все еще парящую в воздухе неподалеку, и заметила, как оценивающе та рассматривает генерала, вновь занявшего свое место во главе колонны.

О чем она думает сейчас? Кэроу знала, что лейтенанты Тьяго никогда не оставят войско, на это было даже смешно рассчитывать, – но, боже, можно ведь просто помечтать? Никто не знал Волка лучше, чем приближенные, и никто не наблюдал за ним более внимательно. Что до слов, сказанных ею крылатой наге, – они вовсе не были шуткой или пустой угрозой. Каждый понимал: если часто сражаться, новое тело рано или поздно понадобится.

Коровье, подумала Кэроу. Тело большой неповоротливой буренки. И когда следующий раз Лиссет бросила на нее острый взгляд, Кэроу, хихикая, произнесла про себя: «Мууу-уу»...

Подарок вольного мира

Химеры преодолели горные пики и уже приближались к порталу. Касба осталась далеко позади.

Портал был едва виден. Даже вблизи он воспринимался просто как рябь, и приходилось нырять в него практически наугад, ощущая его присутствие как легкое касание перышка. Гиганты складывали крылья и бросались в пике; но стоило хотя бы чуть-чуть не угадать с «окном» – и ничего не происходило, и неудачник оставался под теми же небесами. На этот раз, к счастью, все обошлось. У отряда имелся опыт, и бойцы исчезали в мареве один за другим.

Шло время, и только чуть заметно мерцало легкое марево.

Когда очередь дошла до Вирко, Кэроу крикнула Зузане: «Держись!» Миг – и они исчезли в туманной дымке. Следом прыгнул Эмилион с Миком на спине. Кэроу нервничала, потеряв из виду друзей. Она кивнула Волку, который следил за переборской, и, последний раз вдохнув воздух Земли, нырнула.

Едва осязаемое касание перышка. Прорыв неосязаемой мембраны. Все!

Она в Эреце.

Другое небо: белое в зените и воронено-серое у линии

горизонта. Все остальное скрыто туманом. И повсюду, куда достает взор, – вода; рябь делает ее почти черной. Залив Тварей. Темная глубина пугала и заволаживала. Было в ней нечто безжалостное.

Дул сильный ветер. Отряд пытался восстановить строй, и крылья сбивались на взмахе. Кэроу плотнее укуталась в свитер и поежилась.

Последним сквозь мембрану портала прошел Тьяго на Ютеме. Гибкое тело Ютема пульсировало зеленою, как будто изливаясь сквозь прореху пространства в этот мир из пустоты. Изначально раса Виспенгов не была крылатой, и Кэроу пришлось хорошо постараться, чтобы сохранить форму и длину тела и приспособить две пары крыльев. Одна пара крепилась, где ей и положено, а вторую пришлось приспособить чуть не у задних лап. Довольно жутко, если уж говорить честно.

Вот проявилась голова Волка, а затем тело целиком. Он проверил, как дела у отряда, бросил быстрый взгляд на Кэроу... Посмотрел – и отвернулся. Вот главная его тревога. В этом мире, на Земле, где угодно. Только выяснив, где она находится, и убедившись, что с ней все в порядке, он вспомнил о главной своей задаче: безопасно переправить отряд над Заливом Тварей.

Пройти портал и оставить его за спиной без присмотра, рискуя, что проход обнаружит еще кто-то... Кэроу было страшно. Акива предполагал его сжечь, чтобы перекрыть со-

общение между двумя мирами, но Иаил спутал все планы. Теперь портал был им нужен.

Чтобы вернуться и начать апокалипсис.

Волк снова возглавил отряд и повел его на восход, прочь от свинцового горизонта – к Адельфийским горам. В ясную погоду их вершины отсюда различались четко, но сегодня было пасмурно, и солдат окружал все густеющий туман. С одной стороны, хорошо – не заметят патрули серафимов, с другой... Кто-то – или что-то – сможет подкрасться к ним совершенно внезапно.

Когда это случилось, Кэроу находилась в середине отряда рядом с Иссой и Руа.

– Как дела, детка? – спросила Исса.

– Нормально, – ответила Кэроу, – а вот тебе не мешало бы утеплиться.

– Да уж.

На ней был свитер Кэроу, с воротом, прорезанным так, чтобы прошел капюшон кобры, – что само по себе было нехарактерно для Иссы. Но губы посинели; ее так трясло, что плечи, казалось, поднимались к самым ушам. Дитя теплолюбивой расы, она прекрасно чувствовала себя в Марокко, а здесь...

Зябкий туман окружал их со всех сторон, клубился впереди. Укрытие, которое их ожидало, могло спасти от врагов, но не от холода. Хотя, насколько помнила Кэроу, на нижних ярусах лабиринта пещер раньше были геотермальные источ-

ники. Интересно, остались ли они сейчас?

Пещеры Кирин.

Она так ни разу и не вернулась к месту своего рождения, туда, где провела первые годы жизни. Все собиралась – как-нибудь после. Здесь им предстоит теперь начинать мятеж – если, разумеется, у судьбы нет на них других планов.

Нет. Она не верит в судьбу. Не рок погубил ее планы и мечты. Предательство. И не рок заново воссоздает прежние декорации – а точнее сказать, их карикатурную копию, исполненную подозрительности и ожесточения. Не рок, а чужая злая воля.

– Я поищу для тебя одеяло, – сказала она Иссе.

Начала говорить. Но в это мгновение что-то пронеслось мимо нее.

Или на нее.

На весь отряд.

Шум в ушах, туман становится плотнее... Кэроу сжалась и закинула голову. И не только она. Весь строй, все солдаты. Сбрасывали высоту, выхватывали оружие, резко разворачивались в поисках цели... цели?

Там, над ними, белые небеса казались такими близкими, что можно достать рукой. Чистое полотно. Но пульс Кэроу частил, в ушах раздавался тихий, еле слышный звон... И вот они внезапно возникли будто ниоткуда, стремительные, обгоняющие ветер, огромные... Все пространство вокруг заплясало под ударами их крыльев... Солдат мотало и носило,

как щепки в приливной волне.

Они.

Огромные.

Они проявлялись из воздуха там и здесь, как темные вспышки – было и нет! – и все бойцы вертели головами, пытаясь уследить за их стремительным полетом. Так неожиданно, так внезапно, так огромно, что Кэроу растерялась. А потом существо промелькнуло рядом с ней, коснулось, дотянулось воздушной волной, поволокло, завертело. Воздух вскипел: кадилницы бешено заметались, перекручивая цепи, и на мгновенье Кэроу представила черную поверхность воды – там, далеко внизу, и кадилницы падают... падают... и с громким всплеском уходят в глубину: души, поглощенные Заливом Тварей... Она с трудом взяла себя в руки... и ровно в этот миг ее отпустило. Цепи плотно перепутались, но ни одна не порвалась; ни одна душа не сгнула в этом круговороте. И потребовался всего один взгляд, чтобы понять, что вот же это кто, ох! Ох! – и белый густой день вновь поглотил их, и они умчались.

Буреловы.

Самые грандиозные творения Эреца, самая непонятная его тайна. Крылья, способные защитить – или разрушить небольшой дом. Так вот что ее коснулось: крыло бурелова. Стая птиц-великанов только что скользнула мимо отряда, и одного взмаха гигантского крыла хватало, чтобы выбить хи-меру из воинского строя. Прежде чем в голове Кэроу уложи-

лось представление о чуде, свидетелем которого они только что стали, она начала судорожно пересчитывать солдат.

Вот Исса, вцепившаяся в шею Руа, потрясенная, но целая и невредимая. Вот кузнец Эгир: он уронил связку оружия, и все безнадежно ухнуло в море. Акива и Лираз по-прежнему держались далеко впереди, на некотором отдалении за ними следовали Мик и Зузана. С этими все в порядке. Поднятый гигантскими крыльями вихрь слегка взъерошил им прическу, но они мужественно хранят невозмутимость, будто ничего особенного не произошло.

И действительно, что такого-то?

Они просто столкнулись со стаей буреловов.

Раннее детство Кэроу провела в высокогорье; точнее, не Кэроу, а дитя этих пиков, Мадригал из ветви Кирин, последнего племени Адельфийских гор. Здесь обитали и буреловы, хотя никто из киринов, да и вообще никто, о ком доводилось слышать Кэроу, никогда не видел гигантских созданий так близко. Никому не удавалось их поймать: они уходили от любой погони, избегали любых ловушек. Говорили, что они ощущают малейшие изменения в составе и давлении атмосферы, – и в детстве Кэроу-Мадригал этому верила. Любуясь издали, как они реют в потоках солнца, будто пылинки, она неслась им вслед, страстно желая разглядеть поближе, но вскоре собственные крылья ее подводили и – все...

Никто ни разу не обнаружил ни скорлупу их яиц, ни фрагмента скелета. Если, конечно, они откладывали яйца; если,

конечно, они умирали. Никто не знал. Никто.

Теперь стало видно яснее, и Кэроу пробрала дрожь.

В крови бушевал адреналин, он прогонял страх. Она засмеялась. Всего один короткий взгляд, но она успела рассмотреть плотный мех, покрывающий тела буреловов, черноту огромных глаз, затянутых мигательной перепонкой, как у земных птиц. Их перья радужно переливались сразу всеми цветами; эта световая игра завораживала.

Они казались подарком дикого мира, напоминанием о том, что бесконечная война поглотила еще не все. Кэроу сгруппировалась в воздухе, распутала кадьницы и подлетела к Зузане и Мику.

Друзья еще пребывали в ступоре. Кэроу ухмыльнулась.

– Добро пожаловать на Эрец.

– К черту пегасов, – страстно выдохнула Зузана, широко распахнув глаза. – Я хочу вот такое!

Синяки на плоти неба

– Еще буреловы. Вон там! – Солдат отошел от окна, уступая место Меллиэль.

В их камере это окно было единственным. Они находились в тюрьме уже четвертый день. Три раза солнце садилось за горизонт, три раза наступал рассвет и озарял мир. Решившись, Меллиэль выглянула из окна.

Восход. Сочные, насыщенные цвета: сияющие облака, сверкающее золотом море; лучи, уходящие в горизонт, такие яркие, что больно смотреть. Острова – размытые силуэты дремлющих чудищ; небо... а вот небо было неправильным.

Если бы небо имело плоть, можно было бы сказать, что оно покрыто синяками. Этот рассвет, как и предыдущие, снова принес перемены; просыпающееся с наступлением дня небо бледнело: фиолетовый, какой-то грязно-лиловый, лазурный... И расцветшие на живой ткани неба кровоподтеки.

Меллиэль не сумела бы точно описать увиденное. Пятна увеличивались, набухали и расползались по полотну неба, и на их месте появлялись новые.

Оно было прекрасно; когда Меллиэль и ее солдат только заперли в камере, они решили, что это свойственно южным землям. Мир вокруг не походил на тот, который они знали.

Все на Дальних Островах было прекрасно и загадочно. Воздух казался таким густым, что его можно было резать; благоухание и звуки сливались в одну яркую круговерть: ароматы цветов, птичьи трели, ветер, запахи моря и рыбы. Море ежесекундно меняло цвет: не только оттенки синего и зеленого, а тысяча новых тонов. Деревья больше напоминали причудливые детские каракули; с почтенными прямыми родственниками из северного полушария они имели очень мало общего. А небо?

Ну, вроде небо как небо.

Сейчас Меллиэль уже понимала, что с небом что-то не так. Как и с буреловами, количество которых росло на глазах.

Где-то там, над морем, эти существа, собравшись в стаю, водили непрерывный хоровод. Меллиэль из Незаконнорожденных, Вторая носительница имени, была уже немолода и за свою жизнь перевидала множество буреловов, однако на ее памяти они не собирались больше чем по пять-шесть. И всегда где-то у горизонта, вытянувшись в линию. Здесь их были десятки. Многие десятки. Крылья закрывали собой ткань неба.

Безумное зрелище, и все-таки даже сейчас можно было бы убедить себя, что пленники стали свидетелями редчайшего природного явления. Если бы не поведение тюремщиков.

Стелианцы нервничали.

Что-то происходило, но заключенным никто ничего не

объяснял. Ни про небо, ни про буреловов – ни даже про их собственное будущее.

Меллиэль ухватилась за решетку и прижалась лицом к прутьям. Теперь ей были хорошо видны море, небо и острова. Стиван был прав. За ночь число буреловов снова резко выросло, как если бы сюда на некий призыв слетелись все, сколько их есть на Эреце. Они кружились, кружились. Небо сменило цвет: кроваво-красное, светлое, снова израненное. Буреловы кружились.

Что за сила изранила небо?

Меллиэль отошла от окна и направилась к двери камеры. Постучала и окликнула:

– Эй! Я хочу поговорить!

Ее бойцы начали выдвигаться поближе. Те, кто дремал, просыпались, выбирались из гамаков и вставали на ноги. Их тут было двенадцать; при задержании телесных ран никому не нанесли, однако все испытали потерю ориентации и ошеломление; казалось, мозги на краткий миг отключились. По крайней мере, их поместили не в сырую темницу, а в длинную чистую комнату с прочной, накрепко запертой дверью.

Был закуток-уборная и вода для умывания. Гамаки для сна и легкая одежда, так что при желании можно было снять доспехи и поддоспешники. Собственно, все уже давно так и сделали. Пища была великолепной: гораздо лучше, чем та, к которой они привыкли. Белая рыба, пышный хлеб и даже фрукты! С привкусом меда и цветов, толстокорые, нежные,

разноцветные. Терпкие желтые ягоды, темно-красные шарики в скорлупе, которую они поначалу и не знали, как очистить – ведь ножи у них отобрали. Были колючие плоды с вкусной мякотью; они шли нарасхват. А были странные мясистые розовые шары, почти безвкусные и будто заляпанные кровью. К этим пленники не прикасались и оставили их в плоской корзине у двери.

Меллиэль с любопытством подумала, что за плод взбесил их отца-императора, когда непонятно каким способом обнаружился у основания его ложа. Какой-то из тех, что они сейчас жуют, или нет?

На ее крик никто не отозвался, поэтому она заколотила вновь.

– Эй! Кто-нибудь!

На сей раз она добавила жалобное «пожалуйста!». И с раздражением поняла, что Эйдолон – ну конечно, то была Эйдолон – стояла все это время под дверью, только и ожидая униженной просьбы.

Стелианка была, как обычно, без сопровождающих и без оружия. Простое белое одеяние, ниспадающее складками и застегнутое на коричневом плече, черные заплетенные приподнятые волосы, босые ноги... Уязвимая. Конечно, эта уязвимость была иллюзией.

Ничего во внешности Эйдолон не намекало, что она воин – как любой стелианец – и военачальник. И все же именно эта молодая женщина, без сомнения, отдавала распоря-

жения, когда отряд... захватили. Меллиэль все еще не могла привести мысли в порядок. Она не все помнила, но... Одна изящная девушка справилась с двенадцатью бойцами – нет, Меллиэль даже и не мечтала о победе.

Было в Эйдолон – да и во всех Дальних островах – нечто большее, нежели красота.

– Как дела? – спросила изящная девушка со стелианским акцентом, который смягчал даже самые неприятные слова. У нее была теплая улыбка; когда она сложила ладони ковшиком и протянула их вперед – стелианский приветственный жест, – ее огненные глаза вспыхнули.

Солдаты невольно ответили на приветствие. И на мужчин, и на женщин в той или иной степени подействовала чарующая загадочность мерцающих глаз Эйдолон, но Меллиэль воспринимала жест с подозрением. Ей приходилось видеть, как стелианцы, не утратив грации, творили... непостижимые вещи, так что лучше бы стелианка держала руки по бокам.

– Дела неплохо, – сказала она. – Для заключенных.

Собственный выговор даже ей самой показался простонародным, а голос – грубым и хриплым. Нескладная неловкая старуха, простая, как железный меч.

– Что там творится снаружи?

Эйдолон небрежно ответила:

– То, чему лучше бы не происходить.

Необычная словоохотливость.

– А что именно? Что там такое с небом?

– Оно устало, – ответила девушка с мерцающими глазами.

В них пляшут искорки пламени, подумала Меллиэль. Как у Акивы. И как у любого стелианца.

– Ему больно, – добавила Эйдолон. – Вы ведь знаете, оно очень старое.

Старое усталое небо?! Бред! Она просто насмехается.

– Это как-то связано с Ветром?

Меллиэль постаралась тоном выделить последнее слово.

Действительно, назвать *это* ветром все равно что назвать буреловов птичками. Однажды отряд Меллиэль оказался под Калифом и попал под удар Ветра. Их смело, как солому с крыши, и отволокло назад – вместе с другими крылатыми: птицами, бабочками, облаками и – да, даже буреловами. С места сорвало все, что не вросло в землю корнями, как деревья: даже завязи плодов, даже морскую пену.

Беспомощные, они летели, влекомые неведомо куда. Их подхватило и понесло – сначала на восток, и ангелы тщетно били крыльями, пытаясь совладать с собственным непослушным телом, – а потом... отпустило. И они, задыхаясь, мчали обратно на запад, чтобы успеть к Калифу вовремя. Такая силища! Чудилось, сам небесный эфир глубоко вздохнул. Все эти явления наверняка связаны, подумала Меллиэль. Покрытое синяками небо, Ветер, гигантские стаи буреловов... Не природа же их, в самом деле, породила.

Вся миловидность и мягкость слетела с Эйдолон: лицо закаменело, глаза утратили блеск.

– Это не ветер.

Меллиэль продолжала допытываться, надеясь воспользоваться неожиданной разговорчивостью стелианки и получить информацию.

– А что же тогда?

– Кража, – ответила Эйдолон, явно не желая длить разговор. – Простите. Что-нибудь еще?

– Да, – сказала Меллиэль. – Что с нами сделают?

Эйдолон по-змеиному стремительно развернулась к Меллиэль.

– Ты так жаждешь, чтобы с вами что-либо сделали?

Меллиэль моргнула:

– Я просто хочу знать...

– Это еще не решено. Здесь слишком редко бывают чужаки. Я думаю, вас стоит показать детям. Синие глаза. Такая редкость.

Она восторженно посмотрела на Иава, самого молодого из отряда и самого светловолосого. Тот покраснел до корней своих светлых волос. Эйдолон задумчиво повернулась к Меллиэль.

– С другой стороны, Дух попросил, чтобы вас отдали послушникам. Попрактиковаться.

Попрактиковаться? В чем? Меллиэль не стала спрашивать: народ стелианцев умел такое, что можно было объяснить лишь магией, искусством в Империи давно утраченным. Ее душа наполнилась ужасом. Однако глаза Эйдолон

смеялись. Она шутила? Это почему-то не утешало. Редко бывают чужаки, сказала стелианка.

Меллиэль спросила:

– А где другие?

– Другие?

Меллиэль, в общем-то, не хотела обострять ситуацию, но все же ответила утвердительно, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. В конце концов, это ее долг, все выяснить. Отряд был отправлен с приказом отыскать следы исчезнувших эмиссаров Императора. Когда Иорам объявил войну стелианцам, те прислали корзину фруктов. Из чего следовало, что эмиссары до места назначения добрались. И не вернулись. Были отправлены поисковые отряды. И тоже исчезли. За проведенные здесь дни никто из отряда Меллиэль не видел и не слышал ни намека на существование других заключенных.

– Посланцы Императора, – пояснила она стелианке. – Они пропали.

Эйдолон переспросила:

– Вы уверены?

Дружелюбно. Слишком дружелюбно. Тон был сладким, будто мед, маскирующий горечь яда.

А затем, не отводя взгляда от Меллиэль, она неторопливо нагнулась и достала плод из стоящей у двери корзины. Один из розовых шаров, которые Незаконнорожденные не ели. Мясистые мешочки, истекающие красным теплым со-

КОМ.

Эйдолон откусила от шара, и на миг Меллиэль готова была поклясться, что ее зубы превратились в иглы. Как будто слетело покрывало и за ним открылась совсем иная картина: Эйдолон с очами, в которых плясало пламя, превратилась в дикаря. Ее изысканность куда-то делась; сейчас она казалась... мерзкой. Кожа лопнула, и она закинула голову, высасывая мякоть и слизывая густой сок. Горло теперь было облито потеками сока и стало красным, как губы. Красное лилось по белоснежным складкам ее платья, расцветало пятнами крови – крови! – а она продолжала пиршество. Солдаты отпрянули от нее; Эйдолон обратила к Меллиэль измазанное красным лицо.

Словно хищник поднял голову от теплой туши.

– Явившись сюда с войной, вы принесли вместе с ней свою плоть и кровь.

С губ Эйдолон капало, и было немислимым назвать изящной эту девушку сейчас, как несколько минут назад.

– Вы ведь сами сюда пришли. Зачем? Разве не для того, чтобы вручить себя в наши руки? Вы что, полагали, что мы сохраним вас в целости и неизменности – с ясными голубыми глазами и покрытыми черной татуировкой руками?

Она сжала кожуру высосанного плода и отшвырнула ее. Та с громким звуком хлопнулась на покрытый плитками пол.

Она же не хочет сказать... Нет. Разум Меллиэль отказывался принимать объяснение. Не может быть. Это просто

мерзкая шутка. Отвращение придало ей смелости:

– Мы явились? О чем ты говоришь? У нас никогда не было роскоши выбирать собственных врагов. Мы – солдаты.

Она сказала «солдаты». А подумала – рабы.

– Солдаты, – презрительно повторила Эйдолон. – Ну да. Солдаты и дети всегда делают то, что им велят.

Обвела их взглядом, слизнула капельку с губы и добавила:

– Детишки вырастают. А солдаты просто идут на смерть.

Просто. Идут. На смерть.

Каждое слово было гвоздем. А потом дверь внезапно распахнулась, и Эйдолон, без малейшего движения, оказалась на дальней стороне коридора. Она уже делала это прежде: сжимала и спрессовывала время, нарезала секунды ломтиками и глотала. Глотала, как запекшийся красный сок, который не мог быть кровью. Ведь не мог?!

Меллиэль заставила себя спросить:

– То есть мы умрем?

– Как решит королева.

Королева? О королеве упоминалось впервые. Это она послала Иораму корзину с фруктами? Ставшие свидетелями четырнадцать Гнутых Лезвий расплатились жизнью – их мертвые тела раскачивались на виселице у Западных ворот. Наложница императора тоже стала жертвой его ярости: ее изломанное тело замотали в тряпку и выбросили в сточную канаву.

– Когда? – спросила Меллиэль. – Когда она решит?

– Когда вернется. Наслаждайтесь своей плотью и кровью, пока можете, солдатики. Скараб отправилась на охоту. – Она буквально пропела это слово. – На охоту, на охоту...

Свирепая улыбка, и вновь Меллиэль увидела, как ее зубы превращаются в иглы... или нет? Мигающее время. Мигающая реальность. Где истина? Резкий звук, что-то мигнуло – и вот уже дверь заперта, Эйдолон ушла, и...

...и – комната погружена в темноту.

Меллиэль моргнула, вздрогнула от ощущения навалившейся тяжести и осмотрелась. Темнота? Слова Эйдолон отдавались эхом по всему пространству камеры – на охоту, на охоту... Сколько прошло времени, один миг? Почему же в комнате стало темно? Стиван моргал, и Дория, и остальные. Юный Иав, попавший в отряд прямиком из учебного лагеря, отирал слезы ужаса с мальчишеского лица. Слезы, пролившиеся из голубых, голубых глаз.

На охоту, на охоту, на охоту...

Меллиэль бросилась к окну, взмахом крыльев бросила тело как можно глубже в проем и выглянула. Именно то, чего она боялась. Рассвет давно миновал.

Миновал и день. Чернота ночи спрятала покрытое синяками небо, высоко сверкали серпики обеих лун, Нитид и Эллай. Буреловы все вершили свой неостановимый хоровод, и лунный свет окрашивал серебром кончики их крыльев.

Украденный день истаивал, высыпался из рук последними песчинками, а Меллиэль била дрожь. *Охота*, звучал в памя-

ти голос Эйдолон. Суждено ли большинству из них умереть здесь? Высосанный плод в руках у стелианки, превратившись в иглы зубы. Что это – предупреждение, желание напугать, хитрый трюк? Нет, Меллиэль не поверила Эйдолон, но при воспоминании о плотной мякоти плодов ее замутило.

Возможно, стелианцы действительно принадлежат к роду серафимов. Однако этим связь двух народов и ограничивается. В мыслях Меллиэль фигура загадочной королевы – Скараб? – стала искажаться, превращаясь во что-то кошмарное.

Охота, охота, охота.

Охота... на кого?

9

Посадка

Пришествие. 6 часов спустя

В пятнадцать часов двенадцать минут по Гринвичу ангелы совершили посадку. К этому времени отряд оставил за спиной Самарканд, миновал Каспийское море, пролетел над Азербайджаном. Шли часы, а пункт назначения оставался загадкой. Маршрут вел на запад, через небо Турции. После пересечения тридцать шестого меридиана поворота на юг не было, так что мысль о Святой Земле приходилось отбросить. В конце концов, все деньги церкви хранятся в Ватикане, а деньги еще никому не помешали.

Продолжая держать ровный строй – двадцать отрядов по пять десятков воинов в каждом, – ангелы совершили посадку на величественную площадь собора Св. Петра в Риме.

Ученые, студенты и аспиранты, собравшиеся у телевизионных экранов в подвальном этаже Музея естествознания в Вашингтоне, в молчании смотрели, как Папа, в регалиях, приличествующих его титулам: Римский епископ, наместник господа нашего Иисуса Христа, преемник апостолов, Верховный понтифик Всемирной церкви, глава архиепископов и митрополитов Италии, глава священного Ватикана, Слуга слуг Божьих, Его Святейшество, – сделал шаг вперед

и поприветствовал своих великолепных гостей.

В ответ на приветствие центральная фаланга перестроилась. Деталей никто не разобрал. Камеры снимали с воздуха, с вертолетов, и оттуда ангелы выглядели, как ожившее кружево огня и белого шелка. Тонко и изысканно. Потом один из них шагнул вперед – только вздрогнул плюмаж на серебряном шлеме – единым текучим движением, а остальные опустились на одно колено.

Трепеща, Папа приблизился, рука поднялась в благословляющем жесте, и ангел чуть склонил голову.

Двое стояли лицом к лицу. Казалось, они ведут беседу.

– Папа... он выступает от имени человечества? – потрясенно спросил зоолог.

– А что не так? – ответил ошарашенный антрополог.

Коллеги Элизы создали своего рода специальный информационный центр, стацив в одно пустое просторное помещение телевизоры и компьютеры. За несколько прошедших часов накал комментариев почти полностью поменял полярность: уверенность, что это мистификация, уступила место растерянному: «как же это, ведь если это правда, то... и что, черт возьми, это такое?!»

Телекомментаторы несли чушь, впадали в экстаз и цитировали Библию.

Апокалипсис. Армагеддон. Вознесение. Бла-бла-бла...

Заклятый Элизин враг, Морган Тот – который с пухлыми губами – использовал совсем другой лексикон.

– Похоже на вторжение Чужих. Военные знают, как отражать угрозу извне. Есть алгоритмы.

Алгоритмы. Угу. Уж ему-то известно наверняка.

– А что творится с народом! – смеясь, воскликнула Ивонна Чен, микробиолог. – Второе Пришествие! Спасайся кто может!

Морган демонстративно вздохнул. Подчеркнуто терпеливо.

– Смеетесь? Ну-ну, смейтесь, – снисходительно сказал он. – Что бы это ни было, пусть лучше между мной и ими окажется парочка самолетов. Я, что ли, единственный на планете, кто еще не сошел с ума?

Габриэль изобразил фанфары:

– О да, Морган Тот, о да! Возглавь нас!

– С радостью.

Морган слегка поклонился и откинул назад изысканную длинную челку. Смазливая физиономия, покатые плечи и шея, как у цыпленка. Его пухлые губы не покидала фальшивая ухмылка. И Элиза постоянно боролась с желанием отодвинуться и убрать от греха подальше мелочь и мармеладки.

И собственные кулаки.

У них на двоих был общий научный руководитель: доктор Чодри. Оба считались перспективными исследователями в одном из самых революционных направлений – эволюционной биологии, но с самого дня их встречи Элиза испытывала неприязнь к этому белому плюговому задаваке. Непри-

язнь на грани тошноты. Морган откровенно засмеялся, когда услышал название непритязательного университета, который она окончила, – ты, верно, шутишь, старушка? – и это было всего лишь началом.

Он демонстративно не желал верить, что свое место здесь она заработала тяжелым трудом, – и его недоверие граничило с оскорблением. Иногда, стоило доктору Чодри улыбнуться Элизиной шутке или склониться над ее плечом, считывая с приборов показания, на физиономии Моргана начинала гулять гадкая ухмылочка, приводившая Элизу в ярость. Ее как будто окунали в грязь; ее и профессора, почтенного, женатого, по возрасту годящегося ей в отцы. Элиза давно привыкла к тому, что ее недооценивают: из-за цвета кожи, из-за того, что она женщина. Но никто никогда не вел себя так отвратительно, как Морган. Ей страшно хотелось схватить его за плечи и потрясти. Даже после всего, что с ней было, Элиза сохранила мягкость характера, и ярость по отношению к Моргану приводила в бешенство: значит, Морган Тот способен ею манипулировать, гнуть, как проволоку, просто самим фактом присутствия своей омерзительной личности.

– Ну, давайте, ребята, – сказал Тот, обращаясь к фигурам на экране.

Ангел в шлеме и Папа по-прежнему о чем-то говорили. Какой-то репортер перетащил камеру к ним поближе, прямо на брусчатку. Правда, недостаточно близко, чтобы разобрать слова.

– О чем они там болтают? – спросил Морган. – Совершенно ясно, что небожителями там и не пахнет.

– Пока ничего нельзя утверждать.

Элиза услышала свой голос как будто со стороны и поморщилась. Получилось, что она защищает ангелов. Господи, что за ирония судьбы – она защищает ангелов!

Только Морган мог спровоцировать ее на такое. Его голос: агрессивный, визгливый, неприятный – включал в ней какие-то механизмы, побуждая ввязываться в спор. Неважно, какой точки зрения он придерживался, – она всегда бралась отстаивать противоположную. Если бы он выступил на стороне Света, Элизе пришлось бы защищать Тьму.

А она очень, очень ее не любила.

– Ты ведь ученый? – подколола она Тота. – С каких это пор ученые делают выводы, еще не получив информацию?

– В точку, Элиза. Информация. Нам нужна информация. Я сомневаюсь, что Папа намерен ее добыть. И что-то нигде не объявляли, что этим озаботился наш президент.

– Не слышали еще не означает, что он этого не делает. Он сказал, анализируются все возможные сценарии.

– Да черта с два! Если бы в Ватикане приземлилась летающая тарелка, стали бы они расчищать для нее посадочную полосу прямо в середине площади святого так его Петра?

– Но это не летающая тарелка, не так ли, Морган? Ты на самом деле не видишь разницы?

Она знала, что спорить бесполезно, но это было какое-то

сумасшествие. Поганец делал вид, будто ситуация его не трогает. Таким образом он как бы оказывался над «серым большинством», удивляясь, какая полная ерунда их беспокоит. Какие примитивные у них заботы. Религия? Нет, не слышал.

Но ведь летающие тарелки несут совершенно иную угрозу. Появление Чужих сплотило бы землян, в точности как в фантастических фильмах. «Ангелы» же вполне могли расколоть человечество на тысячи острых обломков.

Уж она-то знала. Многие годы она была таким обломком. Она сказала:

– Не так уж много вещей, за которые люди готовы умирать и убивать. Это – одна из них. Понимаешь? Не важно, во что именно ты веришь, а во что – нет. Если власти приведут в действие твои «алгоритмы», нам тут мало не покажется.

Морган снова вздохнул, покрутил пальцем у виска с выражением: «И почему мне приходится терпеть эту умственно отсталую?»

– При любом развитии событий «мало не покажется». Надо управлять ситуацией, а не брякаться на колени, как куча перепуганных крестьян.

И тут Элизе пришлось прикусить губу, потому что она ненавидела соглашаться с Морганом Тотом. Однако здесь она была с ним полностью согласна. Она вела эту борьбу долгие годы – чтобы снова не пасть на колени, чтобы снова не оказаться в положении побиваемого и подчиненного, – чтобы ни разу в жизни не испытать больше принуждение.

И вот теперь небеса распахнулись и с них сыплются ангелы?

Нелепость какая-то! Ей захотелось смеяться. Смеяться и лупить кулаками – по стене, по ухмылке Моргана Тота. Она представила, как бы он смотрел на нее, знай только, откуда она родом. Кто она такая. От чего сбежала. Вот бы где он развернулся со своим злорадством и насмешками!

Она замолчала. Морган торжествующе улыбнулся, расценив это как свою победу. Элиза твердо велела себе не поддаваться злости. Люди, у которых есть тайны, не должны заводить врагов.

И тут из самых глубин памяти, неожиданный и непрошенный, взлетел голос матери: «Люди, имеющие предназначение, не должны строить планов».

– О боже! – воскликнул один из комментаторов, привлекая внимание Элизы к ряду телеэкранов.

Что-то происходило. Папа повернулся и отдал клирикам распоряжение, и репортеры, таща камеры и микрофоны, взяли низкий старт.

– Смотрите! Пришельцы намерены сделать заявление!

Начало паники

Голову ангела венчал шлем чеканного серебра с плюмажем из белых перьев. Похожий на шлем римского центуриона с забралом – серебряной полосой, защищающей лицо от лба до нижней челюсти. Открытыми оставались только глаза, скулы и подбородок.

Странный фасон, особенно учитывая, что остальные воины были без головных уборов и с открытыми лицами. В облике ангела имелись еще кое-какие странности, но они были не так заметны; а потом он заговорил, и впечатление от сказанного заслонило все остальное. Только позже, когда проанализировали позу и странно вспученную тень, мягкий прищептывающий голос и шепот, который было слышно, когда ангел надолго замолкал – словно говорил под суфлера, – начали обнаруживаться элементы, которые формировали впечатление общей неправильности... как липкий след на пальцах – только здесь он оседал на мозгах.

Но не сразу. Его заявление – и во всем мире в один момент началась паника.

– Сыны и дочери единого истинного бога!

Он заговорил... на латыни, поэтому мало кто понимал его в режиме реального времени. На всех широтах планеты Зем-

ля, среди молитв, проклятий и вопросов, заданных на множестве языков, миллиарды людей требовали разъяснений.

Что он говорит??!!

Но еще до появления перевода большая часть человечества осознала сказанное ангелом по реакции Папы.

Она была неутешительна.

Понтифик побледнел. Ошеломленно отпрянул. Открыл рот, попытавшись что-то произнести, но ангел резко оборвал его, даже не посмотрев в его сторону.

Вот каким было его послание к человечеству:

– Сыны и дочери истинного единого бога! Когда-то мы жили среди вас, а потом пришла пора уйти. С тех пор миновали века, хотя мы никогда не упускали вас из виду. Столетиями мы вели войну ради вас и вместо вас. Издавна мы защищали вас душой и телом, не вовлекая человечество в битву, даже не извещая о существовании нависшей над ним угрозы. Заслоняя от Врага, который к вам тянулся. Страшные битвы кипели далеко от ваших земель. Лилась кровь, разрывалась плоть. И по мере того, как в вас прорастало безбожие и Зло, росла и сила Врага. И вот теперь настал день, когда его сила сравнялась с нашей. А скоро и превзойдет ее. Мы не в силах больше оставлять вас в неведении. Мы больше не в силах защищать вас без вашей помощи.

Ангел глубоко вздохнул и помолчал – а потом тяжело уронил:

– Чудовища... они все ближе...

И тут началась паника.

Разное молчание

Пришествие. 12 часов спустя

Акива стоял, стиснув зубы. Слова, только что им произнесенные, казалось, повисли в воздухе. Очень похоже на бросок бурелова, подумал он: мгновение, воздух густеет – и вскипает, свидетельствуя о приближающейся катастрофе.

Сейчас в пещере рода Кириин вокруг него собрались двести девяносто шесть угрюмых Незаконнорожденных – все, что осталось от легиона императорских бастардов, которым он только что объявил свое немислимое предложение.

Воздух давил на плечи, в груди жгло. А потом...

Смех. Недоверчивый и саркастичный.

– А спать мы будем валетом: чудовище-серафим-чудовище-серафим?

Это спросил Атанаил, один из многих сводных братьев Акивы.

У Истребителя Тварей всегда было плохо с чувством юмора; но *это*, несомненно, было шуткой. Разделить убежище с лютым врагом? Объединиться?

– А перед сном расчесывать друг другу волосы? – предположил Сораф.

– Скорее уж нахвататься у них вшей. – Атанаил уже от-

кровенно покатывался от смеха.

В памяти Акивы вспышкой мелькнула картинка: вот Мадригал доверчиво спит рядом, положив голову на его плечо...

Шутка брата не показалась ему веселой. Здесь вообще оставалось все меньше веселья, в этих опустевших пещерах ее вырезанного народа, где, присмотревшись, еще можно рассмотреть полузатертые полосы крови – там, где по полу волочили тела. Каково будет Кэроу все это увидеть? Что сохранилось в ее памяти из дней, когда она осиротела? Он поправил себя: осиротела в первый раз. Второй, недавний, был на его совести.

– Думаю, лучше всего обосноваться по отдельности, – ответил он.

Смех вспыхнул и постепенно угас. Теперь бастарды смотрели на него со странной смесью веселья и ярости. Они как будто не могли решить, на чем остановиться: оба полюса были очевидно губительны. Акиве же требовалось согласие, пусть и сквозь зубы.

Сейчас до этого было далеко. Он оставил отряд химер в высокогорной долине. Там они ждут результата его переговоров. Успешного результата. Ему очень нужен был этот успех: в первую очередь ради Кэроу, но и ради остальных тоже. Настолько невероятного шанса больше никогда не будет. Если он не убедит братьев и сестер хотя бы попробовать, его мечта никогда не осуществится.

И поэтому он объявил:

– Выбор за вами. Можно отказаться. Мы больше не на службе Империи и вправе сами выбирать себе союзников. Химер мы разбили. Тут не о чем спорить. Те немногие из них, кто смог выжить, в прошедшей войне были нашими врагами. Однако теперь мы оказались перед лицом новой угрозы; угрозы не только нам, хотя и нам, разумеется, тоже. Ныне угроза нависла надо всем Эрецем: новая эпоха такой тирании и таких войн, по сравнению с которыми правление нашего отца покажется счастьем. Надо остановить Иаила. Вот что главное.

Элион шагнул вперед:

– Обойдемся без чудовищ.

Акива хорошо знал Элиона. И уважал. Среди выживших императорских бастардов тот был одним из старейших; но при этом еще в силах, и седина еще едва тронула его волосы. Мыслитель, стратег, не склонный к браваре и неоправданному насилию.

Акива развернулся к нему:

– Обойдемся? В Доминионе сейчас пять тысяч воинов. Иаил на троне, и он отдал приказ о формировании второго легиона.

– А чудовища... Сколько их пришло?

– Не чудовища – химеры. В настоящий момент – восемьдесят семь.

Элион усмехнулся. Не презрительно, печально.

– Восемьдесят семь... Горстка. И чем это нам поможет?

– Тем, что у нас будет на восемьдесят семь бойцов больше, – сказал Акива.

Для начала – восемьдесят семь. Он пока не объявил, что среди химер появился новый воскреситель.

– Восемьдесят семь воинов. И у каждого – хамса. Направленная против Доминиона.

Элион уточнил:

– Или против нас.

Веский аргумент. Акива по-прежнему чувствовал тупую ноющую боль в животе: там, куда пришлась вспышка «глаза дьявола». Он возразил:

– У них не больше причин любить нас, чем у нас. Даже меньше. Что осталось от их страны? Но наши интересы совпадают. По крайней мере, на данном этапе. Белый Волк пообещал...

При упоминании о Белом Волке они утратили самообладание.

– Белый Волк жив?!

– Ты оставил его в живых?!

Голоса эхом отдавались от сводов пещеры, множились, кружились в призрачном хоре.

– Генерал жив, да, – подтвердил Акива. Ему пришлось их перекрикивать. – И нет, я его не убил.

Если бы вы только знали, чего мне это стоило.

– И он не убил меня. Хотя мог. Очень даже мог.

Крики резко смолкли, а потом погасло эхо. Однако Акива

внезапно почувствовал, что говорить ему больше не о чем. Когда речь заходила о Тяго, вся его убедительность куда-то девалась. Будь Белый Волк сейчас мертв, помогло бы это Акиве обрести красноречие?

Думай не о нем, приказал он себе. О ней.

Он помнил.

И произнес:

– Все это в прошлом, а нас ждет будущее. Настоящее – всегда лишь мгновение, отделяющее одно от другого. Мы балансируем на самом краю этого мига, и именно он определяет, какое будущее мы построим. Всю жизнь за нас решала Империя. У нас было только одно возможное будущее – уничтожение чудовищ. И вот они уничтожены. Будущее стало прошлым. Но мы-то живы! Пусть нас осталось меньше трех сотен и мы по-прежнему скользим вперед на краешке одного мгновения... Куда, в какое будущее мы движемся? Теперь решать не Империи, а нам. Что до меня, я хочу...

Он мог сказать: «Смерти Иаила».

Это было бы правдой. Но существовала еще одна, куда большая правда, и она перекрывала все остальное. Память пробудила глубокий голос, произнесший:

– Ты живешь либо во имя жизни. Либо во имя смерти.

Последние слова Бримстоуна.

И он сказал братьям и сестрам:

– Жизнь. Я хочу жить во имя жизни. Кто не дает нам жить во имя жизни, разве химеры? Нет. И никогда не мешали.

Раньше Иорам, теперь – Иаил.

Когда приходится выбирать между ненавистью и ненавистью, всегда побеждает та, которую испытываешь к личным врагам. Иаил хорошо постарался, чтобы удостоиться этой чести; он зашел слишком далеко. Впрочем, Незаконнорожденные еще не знали, насколько далеко.

Акива не хотел сообщать им новость. Более чем когда-либо он испытывал чувство вины. Вина давила на плечи, делала молчание все более тяжким. В конце концов он решил: – Азаил мертв.

Молчание может быть разным. Разным. Как разными бывают химеры.

Само по себе слово «химера» означало «существо непонятной природы, не серафим». Просто термин для обозначения любого вида, обладающего языком и высшей нервной деятельностью, населявшего эти земли, но не принадлежащего к ангелам; термин, который никогда бы не возник, если бы серафимы из-за собственной агрессии не объединили против себя все племена.

Так же и молчание, которое предшествовало известию Акивы, и молчание, следовавшее за ним, имели не больше сходства, чем народы Кирин и Хет.

За последний год от Незаконнорожденных осталась лишь жалкая горстка. Они потеряли слишком много братьев и сестер – пепел погибших уже не помещался в погребальные урны. Да, они с рождения знали о том, что их ожидает, им

внушали это с пеленок, но это не делало их жизнь легче. К концу войны, когда список убитых вышел за рамки любого здравого смысла, в них случился надлом. В них зародилась и прорастала ярость. Не просто боль потерь; не воспринимая их иначе чем просто оружие, командование не ожидало от них даже скорби по убитым, и это приводило в исступление.

И, как ни суди, Азаил был любимцем большинства.

– Доминион убил его в Башне Завоеваний. Все было построено.

Акива рассказывал и вспоминал. Он достиг состояния сиритара слишком поздно, и брат погиб на его глазах. Рассказывая, он умолчал об одном: Азаил погиб, защищая Лираз, не позволив Иаилу осуществить свои ужасные планы на нее. Она и так очень тяжело пережила смерть Азаила; совсем не нужно, чтобы о подробностях знали все.

– Я убил нашего отца. Это правда. Я отправился туда, чтобы убить, и убил. Какие бы слухи до вас ни доходили, наследного принца я не убивал. И не собирался. Ни советника, ни телохранителей, ни Серебряных мечей, ни прислужниц. Это ложь. Их кровь – вся эта кровь – на совести Иаила. Это все – части его плана. Что бы тогда ни произошло, он с самого начала намеревался повесить все смерти на меня. Как причину для нашего полного истребления.

Акива говорил, и теперь его окружало совсем другое молчание. Кулаки, мгновение назад судорожно терзавшие эфесы мечей, разжимались.

Возможно, для них оказалось новостью, что все они были приговорены независимо от действий Акивы. А возможно, они знали об этом ранее. А может, это вообще не имело значения. Два имени – Азаил и Иаил – стали для воинов противоположными полюсами, полюсами любви и ненависти. И это позволяло им зацепиться за реальность, закрепиться в ней. Приход к власти дяди, их собственное изгнание, даже полученная ими свобода, – все было настолько непривычно для обсуждения, что выразить это словами они пока не могли. Таких слов в их лексиконе не было.

Зато они могли кое-что другое. Например... вступить в союз с химерами.

– Иаил этого не ожидает, – убеждал Акива. – Он придет в ярость. Но, самое главное, его расчеты пойдут прахом. В мире, где Незаконнорожденные и химеры объединились, ему будет не так-то просто строить планы.

– Готов поклясться, нам тоже, – задумчиво и неуверенно произнес Элион: такое будущее одновременно манило и пугало его.

– Есть кое-что еще, – сказал Акива. – У химер появилась новая воскресительница. И она хотела спасти Азаила. Подумайте об этом, прежде чем принимать решение. – Его голос дрогнул. Но было слишком поздно.

Они обдумали его слова.

– А что Лираз? – спросил Элион, и по рядам пронесся шепот.

Лираз. Пробный камень невозможного плана.

Кто-то сказал:

– Она наверняка против.

И тут Акива послал сестре благословение: теперь он не сомневался, что уже убедил их.

– Она с отрядом. Стали лагерем и ждут моей команды. И можете быть уверены... – впервые с начала разговора он расслабился и позволил себе улыбнуться, – что она предпочла бы оказаться рядом с вами как можно быстрее. Тянуть не стоит. Иаил ждать не будет.

И он взглянул на Элиона. Пусть скажет первым.

– Итак?

Солдат несколько раз моргнул, быстро, словно пробуждаясь. Нахмурил брови. Сказал предостерегающе:

– Надежность любой цепи определяется надежностью самого слабого звена. Все определит самый невыдержанный.

– Так пусть слабым звеном окажемся не мы, – сказал Акива. – Это лучшее из того, что мы можем сделать.

Лучшее, мелькнуло в глазах Элиона, не болтать, а поговорить на языке мечей, но он ничего не сказал, просто кивнул.

Акива испытал неопишуемое облегчение. Словно с плеч убрали невыносимый груз.

Элион пообещал, и другие тоже. О большем сейчас и мечтать не приходилось. Оказавшись лицом к лицу с врагами, они не нападут первыми. Тяго от имени химер дал то же обещание.

Вскоре у них будет возможность разобраться, чего такие обещания стоят.

12

Как бы согреться?

– Знаешь, что я сделаю? – стуча зубами от холода, спросила Зузана.

– И что? – поинтересовался Мик.

Он сидел, обхватив ее сзади руками и уткнувшись носом в шею. И там, где шеи касался нос Мика, Зузана было теплее всего. Там было даже жарко.

– Помнишь, в «Звездных войнах»? Хан Соло разрезал брюхо тантана и сунул туда Люка, чтобы тот не умер от холода?

– А, – ответил Мик. – Да, мило. Ты собираешься затолкать меня в парную тушу? Ммм... согреть?

– Не тебя. Себя.

– А, понял. Отлично. Когда смотрю этот эпизод, всегда удивляюсь: ведь кишки-то тогда должны очень быстро промерзнуть. И вообще – по мне, лучше превратиться в сосульку, чем в сосульку, покрытую мокрыми тантановыми кишками, и...

– Ладно, ладно. Давай без подробностей.

– Это называется «спальник Скайуокера», – раздумчиво продолжил Мик. – Одна американка попробовала греться в лошади.

Зузану передернуло.

– Прекрати!

– Гольшом.

– Господи!

Зузана изогнулась и посмотрела ему в лицо. Шее сразу стало холодно. *Гудбай*, зной и солнце.

– Совесть у тебя есть? Прекрати!

– Прости, – покаянно вымолвил Мик. – Но у меня есть мысль получше.

– Как согреться?

– Ну да. Я как раз задал работу серым клеточкам, когда ты отвлекла меня всякими ужасами.

Отряд химер, они вдвоем и Лираз – Акива отправился вперед, вести переговоры с бастардами, удачи ему, – разбили лагерь в долине, укрытой со всех сторон горами. Впрочем, и то и другое условно: и *долина*, и *укрытая*. Обычно в таких случаях представляются просторные луга, россыпь полевых цветов, прозрачные чистые озера... Их убежище напоминало лунный кратер, но сюда, по крайней мере, не задували самые сильные порывы ветра: можно было развести костер, хотя топлива для него было совсем мало, а дерево, которое кто-то из воинов – Рарк? Эгир? – срубил боевым топором, едва горело, с треском выбрасывая снопы зеленых искр и воняя, как застарелые щи в пражской квартире Зузаниной тетушки.

Честно – запаху было плевать, что Прагу и эту долину разделяет граница двух миров.

Что там еще за мысль обдумывал неугомонный Мик? Зузане стало любопытно, и она осторожно спросила:

– Расскажешь?

– Если получится? Конечно. А вот если я вернусь несолоно хлебавши, может, даже слегка побитый, – не издевайся надо мной, ладно?

Слегка побитый?

– Я никогда над тобой не издеваюсь, – возразила Зузана. В тот момент она искренне в это верила. – Никогда. Особенно если есть риск схлопотать. Но ведь ты пошутил?

– Скорее всего. Ну, обтеку разок. – Он глубоко вздохнул. – Ладно, пошел.

И вот его тело отлепилось от ее, и тут Зузана поняла, что до сих пор был не холод, а ерунда. А вот теперь... Будто вылезает из брюха дохлого тантана, облепленный мокрыми...

Фу!

– Куда это Мик направился? – спросила Кэроу, спрыгивая с защищавшего их от ветра каменного уступа.

Ну, слегка защищавшего. Кэроу бродила где-то там, якобы в дозоре, а на самом деле высматривая Акиву. Солнце уже садилось, и Зузана сомневалась, что они дождутся ангела сегодня, но беспокоить своими сомнениями подругу не хотела.

– Понятия не имею, – ответила она. – Нечто героическое, то, что спасет нас от холодной смерти.

И сразу пожалела о сказанном.

Кэроу сморщилась:

– Прости, что не дала вам толком подготовиться, Зуз. Тебе стоило остаться. Я такая дура, что позволила тебе лететь с нами.

– Шшш. Я не жалею. И если бы я действительно вымерзла до костей, то закуталась бы в одеяло вместе с Иссой.

В отряде было несколько холоднокровных, и все наличные одеяла, включая вонючую и колючую подстилку со спины Вирко, забрали для них. По крайней мере, у Зузаны имелась флисовая накидка, а у Мика – свитер. Хорошо, что при побеге все свои вещи они бросили в касбе, так что сейчас у них было хоть что-то.

– Куда это он? – удивилась Кэроу.

Мик шагал не в сторону лагеря химер, а в прямо противоположную.

– Он же не... О господи! Ох! Он...

В ее тоне был страх и благоговение.

Зузана разделила оба этих чувства.

– О чем он только думает?! – прошипела она. – Стой, дурак! Стой!

Но было слишком поздно.

Держа руки глубоко в карманах джинсов и подволакивая ноги, как перепуганный бродяга, Мик приближался... к Лираз.

Зузана привстала на цыпочки. Вокруг Акивиной сестры никого не было, и она стояла в одиночестве у дальнего от

химер края горной площадки, такая же обозленная, как при возвращении в касбу, – или как на Карловом мосту. Или... у нее просто такое лицо? Зузане приходилось видеть на лицах ангелов и другие выражения. По дороге они с Миком развлекали друг друга, придумывая объявления о знакомстве для каждого члена отряда, и Лираз досталось примерно такое: «Горячий, вечно надутый ангел ищет мальчика для битья и общего измывательства. Поцелуйчики не предлагать».

Мик не собирался претендовать на роль мальчика для битья. Первая часть объявления, «горячий ангел», интересовала его в самом прямом смысле.

Безумие. Обреченная на неудачу попытка. Ни при каких обстоятельствах Лираз не придет сюда, чтобы согреть их своими крыльями. Пламенными, великолепными, теплыми крыльями.

Мик что-то говорил ей. Жестикулировал. Изобразил губами «брррр». Потом замахал руками, словно крыльями, показал знаками, откуда пришел, и свел руки в мольбе. Лираз посмотрела, увидела, что Зузана и Кэроу наблюдают за этой сценой. Ее глаза сузились. Она снова перевела взгляд на Мика, мельком, сверху вниз из-за разницы в росте, утрачивая интерес. Ничего не произнесла, даже не мотнула головой, просто отвернулась, словно его здесь больше не было.

– Кажется, я знаю, в чьем брюхе хочу согреться, – пробормотала Зузана.

– Что? – не поняла Кэроу.

– Ничего.

Мик действительно вернулся несолоно хлебавши, но хотя бы без синяков. Пусть его миссия не увенчалась успехом – неужели он думал, что Лираз станет беспокоиться об их удобстве? – попытка была на удивление дерзкой. Химеры, при всей своей чудовищности, оказались куда отзывчивее, чем она.

– Мой герой, – произнесла Зузана без тени насмешки, взяла Мика за руку, повела к скудному костру и снова уткнулась шеей в его нос.

13

Вдвоем

Солнце село. Следом за Эллаи вошла Нитид. Кэроу смотрела, как друзья, затаив дыхание, любуются лунами, и радовалась. Пусть сегодня от каждой остался узкий серпик, но на их фоне, где-то на грани видимости, снова пронеслись буруновы. Температура продолжала падать, и стучавшие зубами химеры прижимались друг к другу все плотнее.

Приготовили и съели ужин. Оора завел балладу.

Лираз держалась в стороне, как можно дальше от сбившихся в кучки химер. Было так холодно, что Кэроу спрятала ладони в подмышки. А тепло, струящееся с кончиков сияющих крыльев Лираз, стекало вниз и впитывалось в камни, как вода впитывается в песок пустыни. Никого не согревая.

Кэроу не винила Лираз: после вспышки хамсы та безропотно вынесла дорогу. Конечно, можно было бы осудить ее за грубость по отношению к Мику, ведь у Мика-то хамсы не было. Да и вообще – *кто мог бы нагрубить Мику?* Даже у самых злощих химер не поворачивался язык. А посмотрите только на Зузану! Даром что химеры прозвали ее «скорпиониха-мегера», Мик ухитрился привести в доброе расположение духа и ее тоже. Одна только Лираз, казалось, имела иммунитет против его обаяния.

Лираз вообще была особенной. Совершенно асоциальной. Даже демонстративно асоциальной. Но Кэроу чувствовала за нее ответственность: ведь Акива оставил сестру с отрядом химер не просто так. Своего рода посланцем? Никто не годился на эту роль меньше. Был один момент еще до отбытия Акивы, когда Кэроу поймала его прямой взгляд. С самого отлета из касбы они не обменялись ни словом, и Кэроу внимательно следила, чтобы не смотреть в его сторону, но тот взгляд – прожигающий, открытый – поведал о многом. И, помимо прочего, это послужило причиной, чтобы присмотреть теперь за его сестрой.

Пока вроде бы никто к Лираз не лез; хотелось верить, что химерам хватит ума не цепляться к ней, когда рядом нет Акивы, способного умерить ее пыл.

Когда же он вернется?

Там, внизу, огонь плевался зелеными искрами и пах разваренной капустой, согревая лишь самую малость. Кэроу шла вдоль гряды, наблюдая за химерами и одновременно высматривая Акиву, но в сгущающейся темноте не было ни малейшего намека на приближающееся мерцание крыльев.

Что теперь будет? А вдруг он принесет дурные вести? Куда идти химерам, если путь в пещеры Кирин окажется закрыт? Обратно в подземные туннели, где они скрывались до того, как перебраться в мир людей? От этой мысли Кэроу содрогнулась.

Представила ужас вторжения ангелов.

Утрату последнего шанса.

Она поняла, что за столь короткий срок начала всерьез рассчитывать на союз, безумный с самого начала; рассчитывать на то, что он может принести их отряду: и в самом бытовом, прозаическом смысле, и с точки зрения обретения новой цели. Химеры в этом отчаянно нуждались. И она тоже.

А еще она отморозила попу. А Незаконнорожденные сейчас наслаждаются теплом в ее родном доме. И там, если она ничего не забыла, бьют горячие источники!

Ох, пропасть, нет!

По камням слабо царапнули когти, предупреждая о появлении Белого Волка. Кэроу развернулась к нему. Он принес чай, который она приняла с благодарностью: пальцы обнимали горячую жестяную кружку, а лицо погружалось в густой пар.

– Ты не обязана стоять здесь на ветру, – сказал он. – Сейчас дежурство Касгара и Киты-Эйри.

– Знаю. Я не могу сидеть, места себе не нахожу. Спасибо за чай.

– Не за что.

Она поинтересовалась:

– Куда ты отправил остальных?

Отсюда ей было видно, как он поговорил с лейтенантами и разослал четыре команды по два бойца обратно по их собственному следу.

– На восток от залива. Пусть понаблюдают за горизонтом.

Выход на связь – через сутки, потом каждые двенадцать часов.

Она кивнула. Разумно. Залив Тварей был территорией серафимов. Здесь везде сейчас территория серафимов, а у отряда химер нет ни малейшего представления, чем занимаются военные силы Империи. И где именно. Горы позволяли укрыться на некоторое время, но, чтобы вернуться в мир людей, придется выйти на открытую местность и оставаться там до тех пор, пока все не пройдут портал.

– Как ты думаешь, все идет нормально? – спросил он, понизив голос.

Отряд расположился у кромки широкой каменной лощины. Кэроу встревоженно покосилась на бойцов, но в их сторону никто не смотрел. К тому же расстояние и темнота должны были скрыть от возможных шпионов силуэты, а ветер сносил голоса в сторону.

– Думаю, да. Ты молодец. – Ты настоящий Тьяго, имелось в виду. – А вообще жутковато.

– Жутковато, – согласился он.

– И убедительно. Пару раз я почти забывала...

Он оборвал:

– Не забывай. Никогда. Ни на миг.

Со вздохом:

– Пожалуйста.

Столько всего в единственном слове. Пожалуйста, не забывай, что я не чудовище. Пожалуйста, не забывай, от чего

мне пришлось отказаться. Пожалуйста, не забывай меня. Кэроу испытала жгучий стыд. Что она хотела сказать? Похвалить? Как ей только пришло в голову, что он воспримет сказанное как похвалу? Ты молодец, ты ведешь себя в точности как убитый мной маньяк. Это не похвала – обвинение.

– Не забуду, – пообещала она Зири.

И на мгновение испугалась того, что пребывание в шкуре Волка его изменит. Однако взглянула снова и поняла – опасение беспочвенно.

Его взгляд – не взгляд Тьяго. В нем слишком много тепла. Это по-прежнему белесые глаза Волка, конечно, – но какая все-таки разница! Невероятно, как две разные души, заключенные в одну и ту же оболочку, могут так кардинально все изменить. Куда-то исчезли заносчивость и высокомерие – и лицо стало сейчас добрым. Конечно, это опасно. Волк никогда ни при каких обстоятельствах добрым не казался. Любезным, может быть, и вежливым. Но добрым? Нет, разница была слишком очевидна.

– Обещаю, – тихо, почти неслышно сказала она. – Я никогда не забуду, кто ты такой.

Ему пришлось почти прижаться к ней, чтобы расслышать произнесенное. Не отстраняясь, он ответил шепотом – так близко, что она почувствовала на щеке его дыхание:

– Спасибо.

Тон, теплота взгляда, не свойственная Тьяго, и тоска...

Кэроу резко разорвала это почти объятие, отступив в тем-

ноту, отвоевывая пространство. Даже личность Зири не могла изменить ее реакцию на физическое присутствие Волка: стоило ему приблизиться, и ее начинало трясти. Снова заболели раны. Заныло ухо, там, где его рванули чужие зубы. Ей даже не было нужды прикрывать глаза: она и так помнила, как все происходило, как она беспомощно сопротивлялась, прижатая его тяжелым телом.

– А ты как? Держишься? – спросил он, помолчав.

– Нормально. А когда все прояснится, станет совсем хорошо.

Она кивнула на небо, словно там хранилось их будущее, что в каком-то смысле было правдой: если Акива сейчас летит назад. С какими бы известиями он ни вернулся.

Сердце внезапно сдавило. Сколько его осталось, того будущего? Что их ждет? И кто займет место с ней рядом?

– Мне тоже, – сказал Зири. – По крайней мере, полегчает, если новости будут хорошими. Что делать, если этот план провалится, – не представляю.

– И я. – Кэроу попыталась храбро улыбнуться. – Но давай решать проблемы по мере их возникновения.

Он кивнул:

– Я очень надеюсь увидеть... место, где родился.

В его голосе слышалось колебание. Когда серафимы истребили их племя, Зири был ребенком, и его память не сохранила воспоминаний до Лораменди.

– Это твой дом, – сказала Кэроу. – По крайней мере, при

мне можешь называть его так.

– А ты помнишь?

Она кивнула:

– Помню пещеры. Лица хуже. Родителей почти нет.

Признаваться в этом было тяжело. Когда все произошло, Зири был малышом, но ей-то исполнилось семь, и никого больше, кто мог бы помнить, не осталось. Род Кирин существовал ровно до тех пор, пока она сохраняла его в своей памяти. Они уже почти ушли. Сознание дернула острая боль. Неужели она забыла и лицо Зири? Все забивали воспоминания о яме, ставшей могилой его телу. Грязь на его ресницах, ее последний, прощальный взгляд в его карие глаза, прежде чем она закрыла ему веки. Сорванные мозоли на руках саднили до сих пор, так отчаянно она копала могилу, и, ощущая эту боль, она всякий раз видела его лицо, искаженное гримасой смерти. И знала: скоро оно утратит четкость. Она должна нарисовать его – живого, – пока еще может. Нарисовать – и спрятать. Он умел читать между строк, а давать ему надежду было жестоко. Да и не в надежде он нуждался.

– Покажешь мне там все, когда... если мы там окажемся? – спросил он.

– Если успею. Будет мало времени.

– Знаю. Надеюсь, будет хоть немного, чтобы побыть наедине.

Наедине? Кэроу напряглась. О чем он сейчас подумал?

Зири тоже напрягся, видя, как застывает ее лицо.

– Не наедине с тобой. Я имел в виду, что я бы не... но я вообще не... Просто...

Он резко выдохнул:

– Я просто очень устал, Кэроу. Спрятаться от взглядов, не бояться, что ошибусь. Хоть ненадолго. В этом смысле.

О господи, какая же она эгоистка, что думает только о себе! Ведь давление на него так велико, так сокрушительно, а ее напрягает сама мысль о том, чтобы побыть с ним наедине! Она даже притвориться не может!

– Прости, – сказала она убито. – Прости за все.

– Не казись. Пожалуйста. Я не говорю, что это легко, но дело того стоит.

Серьезная, искренняя манера держаться, совершенно не свойственная Волку. Тело принадлежало Тяго, но теперь в нем проступало нечто... другое. Ох, Зири.

– Ради этого стоит постараться, – добавил он. – Нам обоим. Вдвоем.

Вдвоем.

Сердце Кэроу билось все сильнее. Если бы у нее оставалась хотя бы тень сомнения, этот момент истины уничтожил бы ее полностью. Ее сердце было половинкой другого «вдвоем»: греза, начавшаяся в другом теле, – и вопреки той лжи, которую она твердила самой себя месяцами, в этом теле ничего не изменилось.

Кэроу заставила себя улыбнуться: Зири ни в чем не виноват, и он заслуживает от нее большего. Однако она так и не

смогла вынудить себя произнести это слово – «вдвоем».

Не с ним.

Зири заметил судорогу ее улыбки. Он хотел бы верить – это оттого, что ей приходится смотреть на него сквозь чужое тело, но... он знал. Знал. Если до сего момента он еще на что-то надеялся, кто виноват? А до него дошло только теперь.

Надежды не осталось.

Не с его счастьем.

Он пожелал ей спокойной ночи и ушел, а она все вышагивала по круче, высматривая ангела. И пока Волк спускался, черты его лица принимали привычное выражение. Губы сложились в гримасу насмешки и злого удовольствия. Зири было не до радости, но это уже был не Зири. Кэроу все еще любит Акиву? Настоящий Тяго испытал бы ярость и отвращение. У фальшивого же оказалось разбито сердце.

Он был так же ревнив, как настоящий Волк. И от этого стало еще хуже.

Больше, чем когда-либо, он ощущал утрату собственного тела, не потому, что новое вызывало отвращение у Кэроу, а потому, что хотел летать – стать свободным хотя бы ненадолго, напрячь крылья и легкие, кинуть себя в ночь и позволить печали исказить заимствованное лицо. Но он не мог даже этого. У него теперь не было крыльев. Только клыки. И когти.

А еще теперь я мог бы поковырять на луны, подумал он во вспышке отчаяния. От прежней надежды ничего не осталось; ее обломки застыли мертвым холодным комом, и Зири попытался найти ей взамен иную, которая дарила бы хоть какое-то тепло.

С любовью покончено. Значит, покончено и с надеждой на любовь. Его единственное везение – то, что в могильной яме в земле чужого мира осталось гнить только тело. «Везунчик Зири» – это такая шутка.

Теперь у него появилась другая надежда: в один прекрасный день вновь стать химерой из рода Кирин. Перетерпеть все испытания, выжить, не позволить себя поймать, обвинить в измене и сжечь, развеяв пепел без следа и возврата. Он был уверен, что сказал Кэроу правду: дело того стоило. И его жертва тоже – если она поможет химерам построить будущее, свободное от свирепости настоящего Волка.

А больше ему почти ничего и не надо. Снова летать, избавиться от этого ненавистного тела, от клыков и иззубренных когтей.

Если когда-нибудь вдруг его полюбит девушка, горько подумал Зири, хорошо бы коснуться ее, не разорвав на части.

14

Самые длинные пять минут в истории

Лираз чувствовала себя... виноватой.

Не сказать, что любимое ощущение. Любимым было отсутствие эмоций; любая нарушала порядок и вела к сумятице. Например, прямо сейчас она обнаружила, что сердится на источник своей вины, и хотя отдавала себе отчет в том, что это неправильная реакция, не могла ее не испытывать. Она сердилась, поскольку знала, что придется предпринять нечто, чтобы... чем-то смягчить чувство вины.

Проклятие!

Тот человек с проклятыми умоляющими глазами и его дрожь. Чего он ожидал, умоляя согреть его – и его девушку, – словно она обязана? Что они вообще здесь делают, в отряде чудовищ? Это не их мир, а они сами – не ее проблема. Но чувство вины – нелепое чувство! – становилось только сильнее.

И нелепее.

Лираз также злилась на химер, по совершенно иррациональной причине. Они, как ни странно, не направляли на нее свои хамсы. Во время путешествия и здесь, в лагере, она ни разу не почувствовала знакомой боли. И злилась она именно

поэтому. Потому что они не дали ей повода разозлиться.

Чувство. Было. Нелепым.

Ну, давай же, Акива, думала она, глядя в ночное небо, как если бы брат мог спасти ее от самой себя. Маловероятно. У него хватало своих причин для страдания, и здесь крылась вторая причина ее гнева. Во всем виновата Кэроу. Лираз представила, как пальцы сжимаются вокруг шеи девушки. Нет. Лучше она скрутит ее смешные волосенки в веревку и удавит.

Помечтать-то не вредно?

Она дала Акиве еще пять минут. Если он не прилетит, она все-таки это сделает. Не удавит Кэроу. Другое. Чтобы прекратить абсурдный взрыв эмоций.

Пять минут.

...Шла третья «пятиминутка». И каждая была не короче четверти часа.

Наконец, преодолевая внутреннее сопротивление, Лираз отправилась в лагерь, про себя проклиная Акиву за каждый сделанный шаг. Она дала ему самые длинные пять минут в истории – а он так и не вернулся, и теперь ее некому остановить или отговорить. Лагерь уже спал; назначенный в караул грифон расположился на самой вершине скалы. Оттуда он ничего не увидит.

Волк спустился с уступа полчасика назад и устроился рядом с одним из костров – к счастью, почти у самого дальнего. Его глаза были закрыты. Как и у всех остальных. Насколько

Лираз могла разглядеть, бодрствующих в отряде не осталось.

Никто не должен увидеть то, что она сейчас сделает.

Она пробиралась молча. Вот та самая куча сбившихся в клубок химер... Лираз осмотрела их, брезгливо морщась... и шагнула вперед. Огонь почти потух и совсем не грел. Парочка людей тоже была тут: они спали, прижавшись друг к другу, как близнецы в утробе. Как эмбрионы. Трогательно аж до слез.

Лираз долго смотрела на них. Оба тряслись от холода даже во сне.

Она быстро огляделась.

Затем опустилась на колени и распахнула крылья. Серафимы могли управлять силой и яркостью огня; мысленная команда, и интенсивность пламени возросла. Через несколько секунд теплая волна достигла всего живого клубка, но дрожь прекратилась не сразу. Сама Лираз никогда не мерзла. Если существо трясется от холода, оно демонстрирует свою слабость.

Они такие слабые, думала она, рассматривая человеческую пару. Потом в памяти всплыло другое слово: бесстрашные.

Они спали, и их лица соприкасались.

Она не могла этого постичь. Лираз никогда не оказывалась так близко к другой живой душе. Разве только к маме? Быть может. Она не помнила. Что-то в этой картине выводило из равновесия. Хотелось плакать. Наверное, надо их за

это возненавидеть? И свою слабость? Но отчего-то не выходило, и Лираз пыталась понять, отчего так, все рассматривая их и согревая.

Она отвела взгляд и осмотрелась. Любопытно, а Кэроу и Акива когда-нибудь лежали так же... Бесстрашная близость...

Но где же она? Исса из племени нагов мирно спала у того же костра, однако, к глубокой тревоге Лираз, Кэроу отсутствовала.

Где же она?

Сердце оборвалось. Она поняла. Божественные звезды! Как можно быть такой беспечной? Трясаясь от ужаса – и злясь на себя за этот ужас, – Лираз осторожно повернула голову и посмотрела через плечо. И, конечно, Кэроу была именно там, прямо над ней; она, как на насесте, устроилась на скальном выступе, поджав колени к груди и обхватив себя руками. Бодрствуя? О да. Сосредоточенная, хладнокровная. Внимательная.

Заинтригованная.

Сколько времени она там сидит?

На мгновенье их глаза встретились, и Кэроу по-птичьи склонила голову набок. Она не улыбнулась, но взгляд был откровенно теплым. Взгляд, направленный на Лираз.

Вернуть бы тебе твою доброту на наконечнике стрелы!

А затем Кэроу уткнулась лицом в колени и устроилась спать.

Лираз, пойманная «на месте преступления», не понимала, что сейчас делать. Уйти? Сжечь здесь все к демонам?

Ну, есть другие варианты.

В конце концов, она не сдвинулась с места.

К тому времени, когда отряд химер проснулся и стало известно о возвращении Акивы с хорошими вестями – обещание Незаконнорожденных было получено, – Лираз была уже на ногах. И никто, кроме Кэроу, не знал, что она делала ночью. Поначалу Лираз собиралась предупредить, чтобы та молчала, потом передумала: показав свои опасения, она станет куда более уязвимой и даст Кэроу над собой гораздо больше власти. И ничего не сказала. Только внимательно посмотрела.

– Спасибо, – сказал Акива сестре, когда они на минутку оказались вдвоем.

– За что?

Лираз отвела взгляд, будто он мог знать, как она провела эти ночные часы.

Он пожал плечами.

– Что оставалась в лагере. Не сорвалась. Вряд ли это было так уж весело.

– Не было. Но все равно – не благодари. Если это повторится, я первой вытащу меч.

Акива не дал себя одурачить. Он подавил улыбку.

– Хмм... Что повторится? Хамса?

– Нет, – неохотно призналась она. – Не совсем.

Его брови удивленно поднялись.

– Поразительно.

Поразительно. Лираз поморщилась, вспоминая свою нелепую злость. Почему химеры к ней не сунулись, интересно? Странная ситуация. Но признаваться в этом – выглядеть полной душой. В глазах Акивы появилась надежда. Лираз давно не видела такое выражение на его лице. Ее сердце сжалось – оно болело и радовалось одновременно. Как такое может быть? Акива счастлив, это хорошо. Азаила нет с ними – это плохо.

Она спросила брата:

– Ты им сказал? Насчет Аза?

Сердце снова дернула боль.

Акива кивнул, и она испытала смесь вины и мелочной радости – но главным образом вины, – что ее вопрос стер с его лица надежду.

– Представляешь, насколько все было бы проще, окажись он здесь?

Вместо меня, подумала Лираз, хотя знала, что Акива имел в виду совсем другое. Может быть, поделившись прошедшей ночью теплом, она действовала от имени Азаила, но это была совершеннейшая малость по сравнению с тем, что он мог бы привнести в противоестественный союз ангелов и химер. Смех и беспомощная ухмылка – и барьеры рушатся. Никто не мог долго выстоять против Аза. Ее собственный дар – совсем другой. В том будущем, которое они сейчас пытаются

возвести, он не пригодится. Она хорошо умеет только убивать.

Долгое время такое умение было источником гордости и похвальбы, и хотя гордость исчезла, умение никуда не делось. Она всегда носила одежду с длинными рукавами, скрывая кисти, черные от меток. Однако руки – это еще не все. В касбе, чтобы позлить химер, она могла демонстративно задрать рукава, но, право, чем здесь гордиться?

Черные татуировки, смертные метки: четыре линии, перечеркнутые пятой, – покрывали не только кисти Лираз. Они поднимались по предплечьям, покрывая кожу черным страшным кружевом. Ни у кого не было столько меток, как у нее. Ни у кого.

Они обрывались только у локтей. И счет был не полон. Две тонкие линии – последние двое убитых, которых она решила занести в свой список. А потом случился Лораменди.

Лораменди.

С той поры ей все снился один и тот же сон: отчаянно желая избавиться от ужасных меток, она отрубает себе руки. В надежде, что вырастут новые.

Сон не объяснял, как она это проделала. Ну, первую руку отрезать легко. А вторую? Однако во сне этот момент отчего-то пропускался.

В самом деле – как, скажите, отрезать обе руки этими же самыми руками?

И они никогда не вырастали. По крайней мере, она все-

гда просыпалась раньше. Лежала и моргала. Ей ни разу не удалось заново заснуть, чтобы посмотреть, чем все кончается. А воображение рисовало фонтаны крови, раздробленные кости, рваную плоть... все это затвердевало, схватывалось... становилось одним целым. И чистым, без тату.

Вот уж воистину, начать с чистого листа.

Фантастика.

Она никогда не говорила об этом ни с кем, кроме Азаила, который вместе с ней пытался решить загадку двойной ампутации, – а в конце концов упал на спину и объявил, что это невозможно. Акиве она не рассказывала... ну, его же там не было? После Лораменди он их оставил и даже когда вернулся, пребывал в своем собственном мире. Вот как сейчас, например. Он смотрел мимо Лираз, и ей не требовалось следить за его взглядом, чтобы понять, на кого. Его взгляд застыл, и ей пришлось щелкнуть перед его лицом пальцами.

– Один небольшой момент, братец. Химеры примутся за *нее*, если решат, что между вами что-то есть. Знаешь, какое у нее прозвище?

Он посмотрел с изумлением:

– И какое?

– Любовница ангела.

Его взгляд вспыхнул, и Лираз закатила глаза.

– Чему тут радоваться? Это вовсе не значит, что она тебя любит. Это означает, что ей не доверяют свои.

Она разясняла ему, будто сама в этом разбирается. Что

она знает о чувствах? Как сказать. Ей вполне достаточно, спасибо, помощь не требуется. Но... но почему так зябко на душе? Почему так хочется обвернуть себя крыльями и сжаться в комочек?

15

Знакомый страх

Пришествие. 18 часов спустя

В ночь Пришествия Элиза так и не уснула. Кошмар никуда не делся, он давил на плечи, и она знала, что начнется, стоит ей закрыть глаза.

Однако дело было даже не в этом. Не спал никто. Мир будто разворошили раскаленной кочергой, и кругом летали искры безумия. В новостях крутили кадры паники, спровоцированной обращением ангела. Активизировались запрещенные секты, царило мародерство, по миру прошла волна самоубийств и – да что же это такое?! – кровавых жертвоприношений. Пока только животных. Кое-кто, разумеется, всю ночь напропалую отмечал наступление Армагеддона, и пьяные школяры, переодетые нечистью, мочились на прохожих с крыш зданий, а женщины предлагали себя, чтобы родить ангелочка.

Вполне предсказуемый идиотизм человеческой реакции.

Экстаз и ярость, отчаянная мольба – и пожары, много пожаров. Безумие, страх, злое ликование, паника, крики. Их музей располагался на Национальной аллее, и прямо под окнами маршем проходили тысячи демонстрантов, направляясь к Белому дому, не столько объединенные намерением

воззвать к президенту, сколько желая стать частицей чего-то грандиозного в такую знаменательную ночь. Чтобы остаться в истории хотя бы так. Люди несли лозунги, громкоговорители, некоторые надели на головы терновые венки, другие волокли гигантские кресты, а в карманах и за поясами ждало своего часа оружие.

Элиза в этом не участвовала.

Домой она тоже не пошла – из страха, что там ее кто-нибудь караулит. Если семья раздобыла номер ее телефона, они наверняка узнали и адрес. И место работы. Однако в музее, по крайней мере, была охрана. Надежная охрана.

– Я, пожалуй, останусь здесь, – сказала она Габриэлю. – Поработаю.

Это не было откровенной ложью. Ее ждали образцы ДНК бабочки, взятые на время из Музея сопоставительной зоологии Гарвардского университета. Сроки диссертации поджимали, но при таких обстоятельствах никто, конечно, не упрекнул бы ее, пожелай она взять выходной. Интересно, кто-нибудь в мире занимается сегодня делом – ну, кроме Моргана Тота? Он скривился, выслушав обращение ангела, да и отправился к себе в лабораторию, как бы пытаясь доказать собственным подчеркнутым безразличием, насколько глупы все семь с чем-то там миллиардов жителей Земли.

В конце концов, к огромному облегчению Элизы, он ушел, и она получила лабораторию в полное свое распоряжение. Она заперлась, скинула обувь и попыталась сосредото-

точиться.

Что это значит? Что все это значит?

В голове пульсировало, обещая вспышку мигрени и приступ неконтролируемой паники. Она приняла тайленол и свернулась на диване с ноутбуком. Включила трансляцию речи. И снова по коже поползли мурашки, еще раньше, чем ангел раскрыл рот и произнес хоть слово. Да и произнес ли? Почему он не снял шлем? Так странно. Была хорошо видна бо́льшая часть его лица, но середина размывалась. К тому же глаза – разве они полны теплоты? Глубокие, синие – но пустые и жестокие. Все вместе создавало неприятный эффект.

И еще он немного горбился, наклоняясь вперед, будто под действием тяжелого груза – хотя на его плечах не было ничего.

Или было?

Не видно. Элиза добавила звук. Тот шепот... Он заполнял паузы в речи ангела: жуткий, ломкий звук. Откуда он исходил?

Она просмотрела несколько минут записи, слушая звучание латыни и отключив дорожку перевода. Не отводя от ангела глаз, пыталась поймать ощущения неправильности. Впрочем, себя-то что обманывать? Она просто тянет время.

Си-эн-эн первой опубликовала запись с субтитрами, и от прочитанного по спине потекла струйка холодного пота.

...Враг... жаждущий... пожирающий плоть... чудовища. Элиза смотрела на экран, бессознательно растирая ма-

ленький шрам на ключице. Кардиостимулятора больше нет. Его удалили, когда ей исполнилось шестнадцать: не из-за того, что кошмары прекратились; просто тело выросло и научилось справляться с ними самостоятельно.

Чудовища все ближе. Они идут за тобой.

Лед, все внутри леденеет. Трепет и ужас. Они приближаются.

Такой знакомый страх.

Ее ночной кошмар.

Чего стоят обещания

Пещеры Кирин.

Сегодня два отряда встретятся. Солдат взрастили на ненависти, они никогда не видели друг в друге ничего, кроме миссии. Химерам было проще: они провели некоторое время с Акивой и Лираз. И на том спасибо.

У Незаконнорожденных такой возможности попрактиковаться не было, но Акива верил: его братья и сестры выполнят обещание и первыми не нападут. Хотя до пещер Кирин и окружающих их гор было еще далеко, он отлично представлял, как сожмутся двести девяносто шесть пар челюстей – под действием впитанного с молоком матери и затвержденного на постоянных тренировках рефлекса.

– Все определит самый невыдержанный, – напомнил Элион, и Акива знал, что это правда.

Он надеялся – у Незаконнорожденных такого слабого звена нет. Меч к мечу, каждый солдат часть целого, их сила – в единстве. Незаконнорожденные не давали обещаний, не подумав и не просчитав.

А химеры? В полете они больше не направляли на ангелов хамсы просто для развлечения – хороший знак. Но путь еще предстоял немалый. Чем все закончится? Оставалось толь-

ко надеяться. Он улыбнулся тому, что неосознанно произнес имя Кэроу.

Кэроу. Одна из отряда, маленькая его часть, но именно она занимала все внимание Акивы. Лазурь и серебро. Даже нагруженная кадилыницами, она оставалась легкой и гибкой, как элементаль воздушной стихии. Вокруг курсировали крылатые тяжеловозы: драконы, кентавры, дашнаги, сабы, грифоны, гарткоры, – и она сверкала в их окружении, как драгоценный камень в грубой оправе.

Как звезда в пригоршне у ночи.

Что она чувствует сейчас? В пещерах остались артефакты и святыни ее племени; оружие, кухонная утварь, посуда, инструменты и украшения. Музыкальные инструменты с прогнившими струнами; зеркала, в которые она смотрелась когда-то, – тогда они показывали другое лицо. Когда все произошло, ей было семь. Достаточно большая, чтобы в памяти что-то сохранилось.

Достаточно большая, чтобы помнить, как ангелы лишили ее родного дома, – и все-таки она спасла ему жизнь при Булфинче. И все-таки она разрешила себе любовь к нему.

Мы и есть начало, стучало в голове. Как молитва, как мантра. Были и есть. Пусть в этот раз путь будет удачным.

Кэроу смотрела на затемненный серп луны и приближающуюся горную гряду, и ее сердце сжимала боль. Дом. Правда ли это? Она так и сказала Зири: *дом*. Задала себе вопрос и

ответила – да. Дом, настоящий, без кавычек. Из всех мест, где ей доводилось обитать за обе свои жизни, только это место она могла назвать домом по праву. Здесь она была не беглянкой, не чужачкой, а родной дочерью, и ее кровь крепко срослась с этими скалами, а крылья – с этим небом.

Она могла расти здесь, не зная неволи. Она могла никогда не увидеть золотой клетки Лораменди. Она могла прожить всю отпущенную ей жизнь в сиянии горного света.

Но, сложись так, она никогда не узнала бы Бримстоуна, Иссу, Ястри, Твига.

Ее родители были бы живы. Здесь, в этом краю.

Она никогда не оказалась бы в человеческом теле. Не узнала бы другой мир – щедрый и порочный – и всю его дружбу и красоту.

Сейчас у нее уже росли бы дети: рожденные ею здесь, дети племени Кирин, вольные, как ветер, такие же, как она когда-то. У нее был бы муж. Из племени Кирин.

И она никогда не встретилась бы с Акивой.

И в тот миг, когда эта мысль промелькнула в голове, Кэроу его увидела. Он летел вдвоем с Лираз на правом фланге отряда. Даже на расстоянии она почувствовала толчок, когда глаза встретились с глазами, и в голове снова закружились мысли о сбывшемся и несбывшемся.

Она могла лететь вот так восемнадцать лет назад. Если бы не смерть.

Слишком много сожалений – и что в конце? Непрожитые

жизни – но могла быть прожита либо одна, либо другая. У нее есть только сейчас. И ничего больше. Одежда на плечах, кровь в жилах, обещание, данное соратниками. Если только они его сдержат.

Помня о «развлечении» Киты-Эйри, она была далека от уверенности. Но времени на переживания не осталось.

Они прибыли.

Как и планировалось, Акива и Лираз зашли первыми. Вход был в форме арки, в рост киринов, но узкий, так что войти одновременно могло только несколько воинов. На разной высоте находились бойницы для лучников, теперь пустые. Кирины славились своими лучниками. Незаконнорожденные владели всеми видами оружия, но предпочтения лукам не отдавали. И с какой бы стати? Их посылали в самую гущу мясорубки. В ходу была добрая сталь.

Именно сталь увидел Акива, когда обвел взглядом строй бастардов.

Руки братьев и сестер неуклюже свисали вдоль тела: непривычно и неловко, ведь их ладони всегда располагались на эфесе мечей. Но сейчас, в память о данном обещании, Незаконнорожденные – все двести девяносто шесть – убрали руки от оружия, чтобы поза не казалась угрожающей. Некоторые засунули большие пальцы за ремень, другие сцепили руки за спиной или скрестили на груди. Неестественные, противоестественные позы.

Тот самый, все решающий момент. Грань. И они одолели ее. Самый первый, такой естественный жест – приветствовать врага взмахом железа. Напоить железо кровью. Вспороть неприятелю кишки. Как же иначе? Поступить иначе – безумие. Мечи к бою!

Мечи остались в ножнах.

В этот миг Акива испытал гордость, свирепую гордость. Она переполняла его, выплескивалась наружу; он страстно желал подойти и обнять каждого. Однако времени на это не было. Позже, если все пойдет хорошо. Как было задумано. Как должно пойти.

Во главе отряда стоял Элион, поэтому Акива и Лираз подошли к нему.

Миновав узкую арку, входящий попадал в просторный зал, из которого в глубину пещер вела система проходов. Много веков назад стены обработали так, чтобы получилось одно большое сплошное пространство, но пещеры оставались пещерами: сверху свисали похожие на клыки сталактиты, в углублениях по сторонам могли прятаться лучники. Здесь была крепость, хотя киринов это не спасло. Неровный пол из скальной породы; в углубления стекала вода, и попадал снег; все это таяло, собиралось в лужи и застывало. Хотя сегодня небо было ясным, на полу намерз лед и дыхание выходило облачками пара.

Серафимы молча ждали. Ни крика, ни отзвука. Акива развернулся на каблуках и вместе с остальными смотрел, как в

пещеру вступает войско химер.

Первым арку миновал маленький и изящный полукот, и с ним пара грифонов. Они легко опустились на пол, хотя были тяжело нагружены, кадьницами в том числе. Верхом на одном из грифонов сидела похожая на волчицу Тен, лейтенант Тьяго. Она спрыгнула и скользнула вперед, встала прямо напротив ангелов, дерзко глядя им в глаза. За ней последовали остальные, выстраиваясь в шеренгу. Одна армия напротив другой. Акива занервничал: это слишком напоминало строй двух армий перед началом битвы. Но не мог же он ожидать от химер, что они повернутся к давним врагам спинами!

По мере того как химеры, оказавшись в пещере, занимали место в строю, стала понятна расстановка: в первом ряду выстраивались самые безобидные, потом те, чьи формы не потеряли природных очертаний, – и только потом, дав серафимам привыкнуть, место в строю занимали их смертельные враги. С каждой очередной группой из двух-трех химер отряд приобретал все более четкую форму. Где-то в середине место заняли и пара людей, и кухонная обслуга, и Исса, которая с текучей грацией соскользнула с туши дашнага и склонила голову и плечи в гибком поклоне, приветствуя ангелов. Она была прекрасна, ее повадки больше напоминали манеру светской дамы, а не воина. Акива заметил, как Элион заморгал, пристально на нее уставившись.

Что до Кэроу, ангелы не знали, как ее воспринимать: гибкая бескрылая, совершенно человеческая фигура с развева-

ющимися синими волосами – главным своим украшением. Никто не понял главного: домой вернулась последняя из племени Кирин. Только Акива заметил, до какой степени она напряжена, и понял, какой вал воспоминаний сейчас на нее обрушился. Ее глаза метались по пещере. Как же Акива хотел быть сейчас с ней рядом!

Он смотрел на нее. А должен был – на остальных. На два стоящих лицом друг к другу отряда.

Восемьдесят семь химер – не так много, как справедливо заметил Элион. Да здесь были еще и не все: отсутствовали те, кого Тьяго разослал в разведку. Скоро напротив серафимов выстроился весь отряд.

Незаконнорожденные слышали, конечно, что в отряде у мятежников даже для химер – большое видовое разнообразие. Когда первые караваны с захваченными рабами были кем-то отбиты у серафимов, ходили слухи о фантомах и предсмертном проклятии Бримстоуна. Теперь все было прекрасно видно безо всяких слухов. Эти существа имели крылья – большая часть – и гигантские размеры. Самые большие чем-то напоминали скалу – кожа со стальным отливом: наполовину камень, наполовину металл. Пара нагов имела сходство с Иссой; их Элион тоже пристально рассматривал, но по другой причине, куда менее приятной. Были еще кентавры – круп, как у быка, и копыта размером с блюдо; существо с оленьими рогами. У Иорама в зале охотничьей добычи главный экспонат имел гораздо меньше отростков.

И тут до Акивы дошло, что варварские трофеи отца – прикрепленные к стенам головы химер – уничтожены взрывом в Башне Завоеваний и, как и все остальное, обратились в пыль. Он порадовался этой мысли.

Надеюсь, даже пыли не осталось.

Он по-прежнему не понимал, что же сделал в тот день; даже временами сомневался, верно ли, что это вообще его рук дело. Как бы то ни было, взрыв принес победу – и поражение одновременно: Азаил погиб, а Иаил сумел выжить. Бессмысленное насилие, бесцельно рассеянная энергия...

Несвоевременно мрачные мысли. Акива отбросил их. Посмотрел, как гороподобный Виспенг, несущий на себе Тяго, протискивается в пещеру. Он прибыл последним. Все остальные химеры уже спешили; две армии стояли лицом друг к другу, в напряжении и настороженности, каждая связана только обещанием, которое вынуждена была дать и выполнять через силу.

Или не выполнять.

Акива понял: он ждал этого успеха и потому не удивлен. Ему было радостно. Впрочем, неподходящее слово. Он был тронут. Признателен, глубоко и от души.

Перемирие держалось.

А потом лопнуло.

Надежда умирала, не успев расцвести

Кэроу рассматривала пещеру из-за спин окружающих ее гораздо более крупных бойцов, но ясно видела Акиву и Лира, стоящих вместе с одним из братьев во главе войска.

Вот мы и добрались, думала Кэроу. Не «домой», она имела в виду нечто иное. Да, здесь ее дом, и память жива, однако все это в прошлом. А сейчас... это как преддверие будущего. Волк еще не приземлился; она чувствовала его приближение, но не отводила взгляда от Акивы. Ему удалось; и ее душа трепетала от ощущения свершившегося чуда. Душа трепетала, как бабочка... или колибри... или даже как бурелов. Чудо. Такое же огромное.

Оно на самом деле свершилось?

Оно свершалось. Когда Кэроу и Акива впервые доверили друг другу свои мечты, они не знали, сумеют ли убедить родичей или боевых товарищей. Не всех, это они понимали всегда, – но хотя бы некоторых. Немногих, а потом еще... И здесь в пещере и были те самые некоторые. Начало большего.

Кэроу не отводила взгляда от ангелов... от Акивы, поэтому она точно уловила момент, когда все пошло прахом.

Акива отпрянул. По непонятной причине вздрогнул,

словно пропустив удар. А затем Лираз, и еще ангел за ней. Хотя Кэроу не смотрела непосредственно на отряд Незаконнорожденных, она почувствовала, что по ним словно прошла волна движения. Трепет внутри умер.

Она ведь знала, что альянс обречен, знала еще в тот день, когда строила планы вместе с Бримстоуном.

Хамсы.

Кто?! Демоны, кто?!

Не имело значения, поднял оружие кто-то один из химер – или все. Просто взведенный курок сжался. Одна короткая вспышка, и все поменялось. Напряжение отпустило бойцов, и наступила ясность: мышцы знакомо сократились, морок стек, и теперь они были готовы встретиться друг друга, как делали это всегда.

Сейчас здесь прольется кровь.

Что-то внутри Кэроу вопило в панике. Нет. Неет! Она рванулась. Миг – и она уже в воздухе, над головами войска, и высматривает – кто? Но руки у всех опущены. Кита-Эйри? Она выглядит настороженной, встревоженной, руки сжаты в кулаки. Если это сделала она, то сделала тайно, как трус, как подлец, развязав смертоносную бойню.

Зузана и Мик. Сердце у Кэроу оборвалось. Зачем она позволила им ввязаться?

Ее взгляд переместился назад, к арке. Вздыбленные загривки, оскаленные клыки, выпущенные когти – инстинк-

тивная реакция на действия серафимов.

И она увидела Тьяго, все еще в воздухе. Ютем, вытянув голову на длинной шее, удерживал огромное длинное тело двумя парами крыльев. Боковое зрение уловило, как что-то мелькнуло. Через секунду она поняла, что это было.

Стрела, пронзившая горло Ютема.

С первого болезненного укола магии в голове Акивы крутилось одно только слово. Нет-нет-нет-нетнетнетнет!

А затем ударила стрела – и Виспенг закричал. Это был визг умирающей лошади, он заполнил пещеру, прошел ее насквозь...

Виспенг обрушился прямо под ноги соратников. Удар! Ютем сотрясался в конвульсиях, глаза вылезли из орбит, длинная шея с торчащей стрелой металась из стороны в сторону. Потом Виспенг последним судорожным движением стряхнул всадника – и замер.

Его судорога отбросила Белого Волка прямо к строю Незаконнорожденных: он прокатился по скользкому ледяному полу, упал на спину и...

Его войско издало слаженное рычание.

Акива видел все это сквозь завесу ужаса. Это все спланировал Тьяго? Ведь сначала пошли в ход хамсы, в этом он был уверен.

Но откуда прилетела стрела? Она шла над головами, Акива уловил быстрый промельк откуда-то из сталактитов, и к

ужасу прибавился гнев на братьев и сестер. Все эти руки, отпустившие эфесы мечей – это все было спектаклем. А спрятавшиеся наверху лучники в это время натягивали тетиву. И, как и руки... Они не медлили.

Белый Волк поднялся на колени, оскалившись в дикой гримасе. Самая сердцевина отряда серафимов, каждая рука наготове. Слитное слаженное движение. Как в балете. Доля секунды – и вот уже взмах одной, трех, десяти, пятидесяти рук... А собственный бросок Акивы так медлителен, так отчаянно неловок. Он вскинул в мольбе пустые руки и услышал, как Лираз хрипло закричала: «Нет!»

Секунда. Секунда. Пальцы бастардов стискивают рукояти. Приливная волна поднялась, накатила... Ее не остановить. Сейчас мечи найдут цель, вспарывая плоть, и этот день так же окрасится в багровое, как последний день киринов.

Вспышка лазури. Глаза Акивы и Кэроу на миг столкнулись.

Ее взгляд... Невыносимо.

Надежда умирала, не успев расцвести.

Третий раз в жизни Акива ощутил внутри себя средоточие огня и ясности. На мгновение... а затем мир перевернулся. Как если бы отдернули пыльный занавес, и вот оно: понимание, покой, знание, свет... Это был сиритар, и Акива балансировал на его кромке.

Когда-то он говорил братьям и сестрам, что прошлое от будущего отделяет всего секунда. В этом состоянии покоя и

хрустальной ясности вскипающая вспышка взаимной ненависти дала понимание: разделения – нет. Настоящее и будущее – едины. Намерение каждого солдата яркой линией было прорисовано в пространстве, и Акива видел его наперед: убить.

Рука с занесенным мечом; рука с занесенной хамсой. Отсчет смертей. Руки серафимов и химер. Руки. Руки. Руки.

В предсказании световых линий новое будущее умирало, как умерло прошлое, и его место занимало начало другой истории: Иаил возвращается в Эрец и не встречает сопротивления. Бунтовать некому: ни химер, ни противостоящих ему ангелов не осталось. Их кровь замерзшими пятнами украшает ледяной пол пещеры – ведь они были столь любезны, что уничтожили друг друга ему на радость. Дорога открыта, Эрец остался без защиты, горе побежденным.

Корчась от стыда, Акива видел, как мир скатывается к хаосу... Кончится эта секунда, и Кэроу обнажит свои лунные лезвия. Время замерло.

Что ей предстоит сегодня, убивать или умирать?

Если в эту секунду изменится будущее.

Нельзя, чтобы изменилось.

В Астрэ, когда Акива содрогался от ярости, горя и муки, его разум родил импульс такой силы, что величайшая Башня Завоеваний, символ Империи серафимов, была сокрушена. Как это вышло, он не знал.

И сейчас опять почувствовал, как точно такой же импульс

снова исторгается из неведомых глубин его существа.

Что-то вышло из границ его тела... Что-то... что? И унесло с собой сиритар. Время опять потекло с обычной скоростью, мир стал быстрым, тусклым и громким. Как будто по зеркальной поверхности озера снова пошла рябь. Он пошатнулся, оплакивая то, чего лишился, и, не дыша, попытался рассмотреть, что сотворила его магия.

И понять, имело ли это смысл.

Пламя свечи, убитое криком

Серафимы, руки на эфесах мечей, химеры за миг до броска.

Тьяго, стоящий на коленях между двумя армиями, – он умрет первым. Руки Кэроу дотянулись до новых клинков, но внутри нее все кричало – не-е-е-ет! Если бы осталось время подумать – в эту самую секунду, переполненную жаждой крови, – мысль о том, что кто-то в силах их остановить, показалась бы ей дикой. Ее надежда умерла с первым движением ангелов.

Надежда умерла. Так ей казалось. Ей казалось, что отчаяния глубже этого быть не может.

Может.

Внезапное и опустошающее отчаяние заполнило душу.

Неизбежность конца. Ангелы, готовые рубить и сокрушать, химеры, готовые зубами выгрызть будущее. Шелест выхватываемых клинков, рычание... Все ее мысли, мечты, все, что составляло жизнь, будто собрано равнодушной рукой, проштамповано «В мусор» и отброшено.

Тупик, кричало это отчаяние, – и во имя чего?!

Всесокрушающее, полное.

Всего на миг. Потом оно ушло, но как же больно, больно

чувствовать, что весь мир словно...

...пламя свечи, убитое криком.

И в чудовищности происходящего сама она не более чем клочок дыма, истаивающий в пространстве, – истаивающий в истаивающем мире.

Тупик. Во имя чего?

Тупик. Тупик.

Ее руки не завершили движение. Клинки так и не вышли из ножен. Невозможно.

Она вдохнула воздух и удивилась: оказывается, еще есть жизнь. И есть воздух для дыхания.

Секунда.

Еще один вдох, еще одна секунда.

В первый миг всеобщее безумие взметнуло ее в воздух. Сейчас она неловко опустилась вниз, упала на колени... В мыслях звучало «нет!», но постепенно... постепенно... она начала осознавать, что вокруг... ничего не происходит.

Ничего. Не происходит.

Собранные в тугий узел мышцы расслаблялись; ладони замирали на рукоятях мечей; клинки отблескивали в движении – наполовину вброшенные в ножны... руки падали.

Две жаждущие крови армии... остановились?

Почему?

Мгновение все длилось. Кэроу, оглушенная безмерностью своего отчаяния, едва это осознавала. Равновесие было нарушено и едва не привело к катастрофе. Каким образом они

сумели остановиться? Или она все поняла неправильно и ни нарушения равновесия, ни приближающегося краха не было? Все так просто? Нет. Нет, она что-то упустила. Вокруг царило молчание, замешательство, кто-то со всхлипом дышал. Она постаралась стряхнуть путающий мысли туман.

И увидела, как в нейтральной зоне между двумя отрядами Белый Волк поднимается на ноги. Все взгляды теперь были устремлены на него, ее тоже, и туман начал рассеиваться.

Как же... что?..

Она встала. Движение далось с трудом. Отчаяние, возможно, и покинуло ее, но оставило после себя тяжесть, головокружение и слабость. Она видела, что колени Белого Волка разбиты падением; Ютем мертв, и его кровь заливают все вокруг. Тяго поднялся, когда кровь добралась до него, и сейчас стоял, погрузившись подушечками волчьих лап в багровую лужу. Смертная краска пятнала белый мех, ползла дальше, к первой шеренге ангелов. Ютем был огромен, и натекло много. Белый Волк представлял сейчас впечатляющую картину: чужая и собственная кровь на коленях, бровях. И на руках.

Он сжимал окровавленные ладони, как в молитве. Но это была не молитва. Ладонь к ладони, хамса к хамсе. Слепленное оружие, отказ от атаки. Обузданная по доброй воле сила. Мертвый солдат на земле, а свирепый Белый Волк это спустит? Сильный жест – но Кэроу по-прежнему ничего не понимала. Что остановило почти три сотни Незаконнорожден-

ных на полувзмахе?

Тьяго заговорил:

– Пеплом Лораменди клянусь: мы пришли сюда во имя союза, а не ради крови. Начало вышло дурное, но я этого не планировал. Был дан прямой приказ. И я выясню, кто его нарушил. Этот солдат, кто бы он ни был, поставил под сомнение мое слово.

Сказано это было низким горловым голосом, полным омерзения, и у Кэроу по позвоночнику прокатилась дрожь.

Тьяго развернулся и, прищурившись, оглядел солдат. Глаза в глаза.

– Этот солдат обрек на смерть весь отряд, и он будет наказан.

Все поняли, что имелось в виду, и содрогнулись. Его взгляд пронизывал; несколько раз он останавливал его на ком-то из бойцов, и под этим взглядом хотелось съежиться.

Он обратился к Незаконнорожденным:

– Каждый знает, во имя чего рискует жизнью. Причина, чтобы нам убивать друг друга, больше не существует. Дурное начало – это все-таки начало.

Он требовательно нашел взглядом Акиву. Кэроу видела: Тьяго ждет, что ангел поможет ему сложить фрагменты шаткого перемирия. Она тоже ждала этого: ведь именно Акива привел их сюда; у него найдутся нужные, подходящие слова. Но никто не отозвался. Повисло короткое, напряженное молчание.

Что-то шло не так.

Даже Лираз в ожидании покосилась на Акиву. Кэроу почувствовала укол беспокойства. Акива выглядел растерянным, пожалуй, даже больным, широкие плечи поникли под бременем какого-то груза. Что с ним такое? Раньше ей уже приходилось видеть его в похожем состоянии, и тогда все виной были ее слова. Не могла же так подействовать хамса? Или ему досталось больше, чем остальным?

Сделав над собой очевидное усилие, Акива наконец сказал:

– Да. Начало.

Но его голос звучал невыразительно, особенно по сравнению с полными красок интонациями Волка.

– ...очень дурное начало. Я сожалею... глубоко... эта смерть. Сожалею, что он умер... от наших рук. Я надеюсь, что это можно исправить.

– Можно и должно, – ответил Волк. – Кэроу? Пожалуйста.

Вызов ее способностям. Кэроу почувствовала, как на ней скрестились взгляды. Страх бежал по венам, но она пересилила себя и прошла сквозь ряды химер прямо к туше Ютема. Теперь и ее ступни оказались в его крови. Разрешающий кивок от Тьяго, и Кэроу стала на колени и потянула из-за спины цепочку.

Кадильница раскачивается. Щелчок рычажка – и проворачивается колесико, как в старинных пистолях. Искра поджигает, – словно механические пальцы прищелкнули. Се-

кунда – и появляется сернистый дымок.

Кэроу почувствовала, как откликнулась душа Ютема. Сигнальный костер на фоне хмурого серого неба. Ощущение мелькает и гаснет; душа соскальзывает в кафельницу и оказывается в безопасности. Еще один поворот колесика – и замок закрыт. Щелчок – и фитиль запала погашен.

Она поднялась с колен, осторожно отворачивая ладони так, чтобы ее хамсы не отреагировали на ангелов.

Под взглядами присутствующих повернулась к Тьяго. Они раньше это не обсуждали, но Кэроу знала, что поступает правильно.

– Прежде я никогда не оживляла серафимов. Но сейчас, раз уж мы сражаемся на одной стороне, я попробую. Если, конечно, вы захотите. Подумайте. Я могу только предложить, выбор за вами. И... кое-что еще...

Она обвела взглядом ангелов, стоящих прямо перед ней.

– Возможно, я выгляжу иначе, но я из племени Кирин, и здесь мой дом. Пожалуйста, дайте нам войти.

И они расступились. Не ушли, но подвинулись, расчищая дорогу. Она обернулась, нашла в толпе Иссу. Потом Зузану и Мика, которые наблюдали, широко распахнув глаза. Присутствие Акивы ощущалось как язычок пламени где-то на периферии зрения; оно притягивало, но Кэроу не обернулась. Шагнула вперед, следом за ней – Тьяго. Сзади Химеры восстанавливали строй – Незаконнорожденные не мешали. Ступая по полу пещеры измазанными кровью ногами, Кэроу

и Тяго вели отряд внутрь пещер Кирин.

– Как он это сделал? – выдохнула Лираз.

Вопрос, наконец, вывел Акиву из ступора, вызванного отдачей от сиритара.

– Кто что сделал?

– Волк.

Она выглядела ошарашенной.

– Я была уверена, что это конец. Я чувствовала это. А потом...

Она тряхнула головой, словно стараясь привести мысли в порядок.

– Как он смог всех остановить?

Акива воззрился на нее. Лираз решила, что это сделал Тяго?!

Он издал сухой смешок. А что еще ему оставалось? Он знал, что импульс – слава богам, на сей раз не взрыв, – вышел из глубины его «я». И что бы эта вспышка ни несла, именно она погасила коллективное безумие солдат. Ему удалось. Это он остановил резню... но... никому и в голову не пришло, ни Лираз, ни, конечно же, Кэроу.

Пока он пребывал в полуютключке, едва способный связать пару слов, Волк не упустил момент и проявил себя, вызвав благоговение даже у Лираз? Что же тогда испытывает сейчас Кэроу? Акива смотрел, как она удаляется в глубь пещеры во главе отряда, рядом с Волком – яркая пара, – и не

мог не смеяться. В груди будто засел осколок стекла. Изумительно. Какой отличный удар нанесен ему... кем? Судьбой? Божественными звездами? Богиней удачи?

– В чем дело? – насторожилась Лираз. – Почему ты смеешься?

– Потому что жизнь – ублюдочная штука, – только и мог сказать он.

– Ну и пусть, – ровно произнесла сестра. – Как-нибудь приспособимся.

19

Охота

Импульс магии пронесся по всему Эрцу. Его ничто не предвещало: ни Ветер, ни звук или движение, поэтому почти все, кто его ощутил – а ощутили его все, – решили, что он – отражение их собственного отчаяния. Волна сопереживания была так сильна, что в одно мгновение вытеснила все чувства и заняла их место, передавая каждому мыслящему, каждому чувствующему существу неизбежное ощущение конца.

Волна пробежала и схлынула; она окатила землю, небо и море; ни одно существо не оказалось неуязвимым, и никакое вещество или минерал не встали на ее пути.

Куда быстрее, чем на крыльях, она достигла Астрэ, столицы Империи серафимов, пронизала ее насквозь – и истаяла. В наступившем затем молчании никто из жителей не связал ее с разрушением величайшей Башни Завоеваний.

Но внутри развалин Башни, в недрах ее огромного перекрученного скелета, только и оставшегося от величественного сооружения, – там находились пять ангелов, которые поныли. Серафимы, хотя и не граждане Империи. Они прибыли издалека, на охоту – охоту охоту охоту, – и сейчас, в унисон, как стрелка компаса на магнитный полюс, они развернулись на юго-восток. Этот импульс всепоглощающего от-

чаяния был недопустимым, запретным; они знали, что чувства наведены извне, и каждый из пятерых замер в молчании на миг, достаточный, чтобы познать глубины его ужасающей силы и оттолкнуть от себя. Запах чужого волшебства, рванувшего струны мира. Насилие. Страшный грех.

И это чужое волшебство подсказало им направление. Отсюда, от пугливых шепотков застывшего в оцепенении города – к заливу Тварей; туда, где творил непотребство разыскиваемый ими маг: изменник, сокрушитель химер, ублюдок и отцеубийца.

Пять стелианцев с огненными глазами повернулись в сторону далеких Адельфийских гор.

И Скараб, их королева, расправила крылья и процедила (зубы заострились и превратились в иглы): «В погоню!»

Искажение

Дальние острова укрыла ночь, спрятав до рассвета новые синяки, расцветшие на полотне небес. Самый новый не был похож на другие. Более того, вскоре он поглотил остальные – их засосало в его темные недра. Он растекся от горизонта до горизонта, темнее индиго, почти такой же черный, как ночное небо. Этот синяк... это пятно... оно было больше, нежели цвет. Искажение. Какая-то точка в небе всасывала в себя остальное, искажая и перекручивая пространство. Эйдолон с мерцающими глазами сказала, что небо устало и испытывает боль. Она преуменьшила.

Небо слабело. Буреловы не нуждались в видимой картинке. Чернота... они ее почувствовали.

И начали кричать.

Ладони Нитид

Пещеры Кирин были не столько выдолбленной в горах древушкой, сколь галереей помещений, соединенных коридорами, которые лучами расходились из общего зала. Природа, время и труд человеческих рук превратили пространство внутри горы во что-то исключительное. В чудо. Редкостный геологический феномен – таково было первое впечатление. На самом деле редкостный геологический феномен был отмечен руками сотен поколений киринов, следующих простому лозунгу: «Все в ладонях Нитид». Они были просто орудиями богини, и их долг, как они его видели, заключался не в том, чтобы превозносить и возвеличивать себя, а повторять – насколько это в их силах, – сотворенное ею.

Так что мало какой элемент можно было счесть рукотворным. Четких углов не было; и даже ступеньки, казалось, имели естественное происхождение: они выглядели асимметричными и неровными.

Стояла темнота, густая, но не крошечная. Световые колыбели пропускали солнечные и лунные лучи, собирая их гематитовыми зеркалами и хрустальными линзами. А вот тишины здесь не было никогда. Извилистые туннели улавливали ветер, принося свежий воздух и рождая жуткий неумолч-

ный гул: то ли зов ненастья, то ли песню кита.

Проходя коридорами, Кэроу заново ощущала прожитое. Двумя стремительными потоками сливались две линии воспоминаний: повседневная память Мадригал – и восторг и изумление Кэроу. Зайдя в гигантский центральный зал, она и вспоминала его, и, задыхаясь, замирала от восторга.

Она помнила крылатые фигуры киринов, пронизывающие воздух, помнила голоса, смех и музыку, возбуждение праздников и обыденность будней. В этом зале она научилась летать.

Пещера была гигантской, несколько сот футов высотой, – и настолько огромной, что здесь даже эхо, отражаясь от далеких стен, не всегда находило дорогу назад. Из пола волнистой стеной росли сталагмиты: сотни тысяч лет капля за каплей складывали их в огромный величественный орнамент. Но потребуются еще многие миллионы лет, прежде чем они сомкнутся со сталактитами, растущими с потолка вниз. В стенах проходили рудные жилы, отсвечивало золото; кое-где в стенах были ниши, напоминавшие медовые соты или балконы в зале Оперы. Именно здесь солдаты войска серафимов разбили свой лагерь, отсюда они рассматривали центральный зал, где только следы кострищ напоминали о присутствии разумных.

Идущая сзади Зузана воскликнула: «Вау!» Кэроу обернулась на звук и успела заметить мелькнувший на лице Волка след тяжелой внутренней борьбы. Здесь не было посторон-

них, и это выражение тоски и утраты видела только она.

– Сюда, – позвала она и пересекла зал.

Вместе химеры и Незаконнорожденные насчитывали примерно четыре сотни бойцов: больше, чем было в племени Кирин к тому страшному последнему дню. Однако места хватило на всех, и они могли выбрать себе понравившиеся помещения. Серафимы заняли центральную пещеру; здесь было холодно, дыхание обращалось в пар. Дальше вглубь помещение обогревали горячие источники; там было теплее. Кэроу свернула в коридор, который вел в такое место. Жилье. Не ее собственный дом: она не хотела его тревожить, пусть покоится в мире. А она сходит туда позже, одна. Когда придет время.

Если это время придет.

– Сюда.

Пялящаяся бездна

– Шоколадный торт, целиком, ванну, постель. В таком порядке.

Называя желания, Зузана загибала пальцы.

Мик одобритительно кивнул:

– Неплохо. Но никаких тортов. Только гуляш! Гуляш из «Ядовитой кухни», яблочный штрудель и чай. А потом, да: ванна и постель.

– Не-а. Это уже пять. Ты истратил свои желания на жратву.

– Это все под цифрой один. Гуляш, штрудель, чай.

– Так не пойдет. Что заказал, то заказал. Тебе и твоему набитому пузу придется смотреть на мою горячую ванну и дивную мягчайшую постель. И завидовать.

Горячая ванная, мягкая постель, что за бредовая фантазия. Измученные мышцы Зузаны молили о пощаде, но это было не в ее власти. Оставалось только играть в желания.

Мик поднял брови:

– И мне придется смотреть, как ты нежишься в ванне? Бедный я, бедный.

– Угу. Бедняжка. Или заберешься в ванну со мной?

Мик торжественно кивнул:

– Разумеется. Разумеется, заберусь. И черта с два полиция по надзору за желаниями выковыряет меня оттуда.

Зузана фыркнула:

– По надзору!

В дверь заглянула Кэроу.

– О чем это вы?

Они расположились в анфиладе небольших комнат, которые, насколько понимала Зузана, во времена киринов служили жильем для отдельной семьи. Четыре комнаты, выбитые внутри горы. Здесь даже было нечто вроде комфорта: источник природного тепла и отдельный каменный закуток с дырой в полу, в которую изливалась вода (Зузана надеялась, что это туалет, хотя, прежде чем использовать закуток по назначению, хотела бы получить подтверждение своей догадки). Ни ванны, ни постелей не предполагалось. В углу валялась куча меховых шкур, но они были настолько грязными и заношенными, что, похоже, семейные предания на них слушали не только многие поколения киринов, но и многие поколения насекомых.

Множество жилищ вроде этого ютились вокруг своего рода «площади». Она была куда меньше, чем тот огромный зал, что остался за спиной. Солдаты устраивались на ночлег, хотя кому там особенно было устраиваться? У кузнеца Эгира сейчас полно работы, а Тьяго забрал лейтенантов и ушел заниматься тем, чем положено заниматься великому полководцу в преддверии эпической битвы. Зузана не хотела об этом ду-

мать: ни о «Тьяго», ни о предстоящем сражении, ни о чем таком. Сейчас она попробовала переключить мысли, как каналы в телевизоре, но переключатель каналов в голове все время останавливался на программе «В гостях у шеф-повара».

Если уж говорить о еде: пока Мик выискивал лучшее место для «штаб-квартиры воскресителей», Зузана потратила толику времени и помогла забавным маленьким поварихам, мохнатым Вови и Авар, организовать временную кухню и разложить привезенные из Марокко запасы. Всегда полезно завести дружбу с теми, у кого в руках продукты. Возможно, ей перепадет горстка сушеных абрикосов.

Пару месяцев назад, скажи ей кто-нибудь, что она придет в экстаз от кучки урюка, она только покрутила бы пальцем у виска. Сейчас же Зузана вполне серьезно обдумывала, не использовать ли его как валюту, наподобие сигарет в тюрьме.

– Мы играем в «Три желания». Торт, горячая ванна, мягкая постель. А у тебя?

– Мир во всем мире, – ответила Кэроу.

Зузана хмыкнула:

– Святая Кэроу.

– Лекарство от рака. И по единорогу для каждого.

– Фу. Ничего не портит игру сильнее, чем альтруизм. Загадывай для себя. И если там не будет еды, ты врешь.

– А я включила еду. Я же сказала «единороги», верно?

– Ну, не знаю. Тебя тянет к конине?

Зузана задумалась:

– Погоди-ка. А что, здесь есть единороги?

– Увы, нет.

– Были, – вмешался Мик. – Кэроу всех съела.

– Точно. Я прожорливый поедатель единорогов.

– Добавим в твое объявление, – пообещала Зузана.

Кэроу удивилась:

– Объявление?

– По пути сюда мы составляли для всех объявления о знакомстве. Чтобы убить время.

– Могу себе представить. Так что с моим?

– Ну, записывать нам было не на чем... Полагаю, примерно так: *«Прекрасная задиристая особа неопределенного происхождения ищет... ммм... примиримого врага для незамысловатых ухаживаний, прогулок под луной и чего-то большего, если повезет».*

Кэроу промедлила с ответом; Мик бросил на Зузану неодобрительный взгляд. Она подняла бровь: а что такое? Она ведь не сказала: «ангелов-расистов не предлагать», верно?

Но тут подруга спрятала лицо в ладони, плечи затряслись, и Зузана не могла определить, рыдает она или смеется. Ведь ничего плохого не происходит?

– Кэроу? – обеспокоенно окликнула она.

Кэроу подняла сухие глаза; но веселья в них тоже не наблюдалось.

– Незамысловатых, – сказала она. – Это как?

Зузана взглянула на Мика. Вот что такое «незамысловатые». Прелесть что такое. От Кэроу ее взгляд не укрылся. Она посмотрела на парочку и тоскливо улыбнулась:

– Вы-то счастливы.

– Я – да, – подтвердил Мик.

Зузана согласилась:

– А то.

Сказано это было чуть более горячо, чем обычно. Зузана все еще чувствовала себя... не в форме. Голодной, грязной, уставшей – отсюда и три ее желания, – но все это не имело значения. В тот страшный миг, у входа в пещеру, она ощущала, что видит конец распадающегося мира.

Что, дьявольщина, там произошло?!

В детстве у нее была любимая куколка – ну, уточка, по правде говоря, – которую она заталкивала в рот и самозабвенно сосала. Теперь Зузана морщилась, вспоминая свой младенческий восторг, но тогда это было так здорово – ощущать крошечными зубками гладкую пластмассу.

Куда неприятнее были постоянные попытки родителей убедить ее, что это может привести к беде. «Ты можешь подавиться, дорогая. И задохнуться».

Но что для маленького ребенка такие предостережения? Брат Томаш объяснил ей... доступно. Незамысловато придушив. Самую малость. Братья, они на такое мастера. «Попрешь, – сказал он весело, сомкнув руки на ее горле. – Вот

так».

До нее дошло. Убить может что угодно. Игрушки – да и старшие братья. И по мере того, как она росла, список «чего угодно» становился длиннее и длиннее.

Но она никогда не ощущала этого так остро. Что там говорил Ницше? *Если ты смотришь в бездну, бездна тоже смотрит в тебя.* Ну, вот бездна в нее и заглянула. Нет. Тупо вытаращилась. Уставилась. Зузана была твердо уверена, что пережитое оставило на душе ожог и вряд ли теперь все станет как прежде.

Однако она не собиралась плакаться подруге обо всех своих страхах и капризах. Хотела попасть сюда? Кэроу предупредила ее об опасности? Она отнеслась к предостережениям, как в детстве к словам родителей про пластиковую игрушку? Спасибо, что хоть наглядно никто не продемонстрировал. Теперь она здесь и вовсе не хочет вести себя как последняя плакса, особенно учитывая компанию, в которой оказалась. И не будет.

– Ну, что значит «счастливы»? Я счастлива, что жива. В детстве я сосала глаза игрушечной уточки.

Мик и Кэроу уставились на нее, и Зузана обрадовалась, что внимание подруги удалось переключить. Та сказала:

– Как... интересно.

– А я о чем?. Некоторые живут яркой, насыщенной жизнью. А ты, Кэроу? Вот посмотри на себя. Сплошная серятина. Неужели не хочется какого-нибудь разнообразия?

– Угу, – ответила подруга, и Зузана была вознаграждена взглядом, полным скрытого веселья. – Ты права. Скучновато. Пожалуй, я начну собирать марки. Отличное занятие, правда?

– Нет. Если только ты не собираешься наклеивать их на себя вместо платья.

– Похоже на школьный флешмоб.

– Именно! – согласилась Зузана. – Помню, Гелена так и делала. Устраивала шоу. Выходила голышом с большой миской марок, а зрители лизали их и приклеивали на нее.

Теперь Кэроу засмеялась в открытую, и Зузана испытала гордость. Подруга смеется. Может, Зузане не удастся сделать жизнь Кэроу – или любовь – менее замысловатой; может, она не поймет подсказки судьбы, если ангелы нападут или обманут или начнется мясорубка... Но она сделает то, что ей по силам. Заставит подругу засмеяться.

– Что теперь? – спросила она. – Ангелы закатят в нашу честь грандиозный бал?

Кэроу снова засмеялась, уже невесело.

– Не совсем. Сначала будет военный совет.

– Военный совет, – растерянно повторил Мик, и Зузану кольнула иголочка страха. По позвоночнику прошел холодок, едва она вспомнила жуть последних событий. Смерть Ютема. Первая увиденная ею смерть. Она шла по его крови, и солдаты тоже. Но никто особо не нервничал, будто им доводилось шлепать по этим страшным багровым пятнам

каждое утро по дороге на завтрак. Нервничала только она. Собственный парализующий ужас подхватил ее, завертел, и именно он заставил ее вспомнить о «тарасившейся бездне».

Кэроу тяжело вздохнула:

– Собственно, для этого мы сюда и прибыли.

Она обвела взглядом комнату и добавила:

– Все такое незнакомое.

Зузана попыталась представить, что сейчас испытывает подруга. Не в полной мере, конечно. Здесь когда-то произошла резня. С той поры почти ничего не осталось, но каково это: зайти в отчий дом и увидеть, что он пуст, что от постелей осталась труха, что никто тебя не встречает... У нее перехватило дыхание.

– Что с тобой? – спросила Кэроу.

– Все в норме. А ты, ты-то как?

Кэроу слабо улыбнулась и кивнула:

– Да-да. И я.

Она подняла факел и осмотрелась.

– Странно. Когда я здесь жила, это был целый мир. Я и представить не могла, что там, за горами, есть кто-то еще.

– Да. Поразительно.

Кэроу лукаво усмехнулась:

– Угу. А ты даже еще почти ничего не видела.

– Что, правда? И где-то в пещерах пирожные растут, как грибы? Где, скажи быстрее?

Смех. Еще одно очко в пользу Зузаны.

– Нет, – ответила Кэроу. – У меня нет пирожных и, боюсь, с постелью тоже не так легко, но...

Она умолкла, выжидаяще глядя на подругу.

Зузана продолжила за нее:

– Но... Все впереди? Не дразни меня.

Кэроу ясно улыбнулась: она представляла, как сейчас обрадует подругу, и радовалась сама.

– Пойдем-ка. Думаю, несколько минут мы можем себе позволить.

Вот в чем суть

Горячие источники находились там, где помнила Кэроу. Но кое-что изменилось: там теперь не было киринов. Семей, купающихся вместе. Сплетничающих старух. Плещущихся детей. Руки матери больше не намыливали ей волосы селеновым корнем, хотя память до сих пор сохранила его травянистый запах и серный запах самих источников.

– Красота, – сказал Мик.

Действительно, здорово: матово-зеленая непрозрачная вода, вокруг скалы, как пастельный рисунок, и морская пена. Уютное, довольно просторное помещение – не бассейн, а несколько купален, наполняющихся из медленно струящегося водопада. По потолку будто пробегает рябь, свет играет на друзьях хрусталя и купах нежно-розового темномха, названного так, поскольку растет в темноте, а вовсе не за свой цвет.

– Вон туда посмотрите.

Кэроу подняла факел и указала на проход к месту, где стена пещеры представляла собой чистый отполированный гематит. Зеркало.

– Ох! – выдохнула Зузана.

Они втроем покрутились у полированной поверхности. Чудесное зрелище: трое замарашек с благоговейными взгля-

дами. Неровная поверхность искажала изображение, и Кэроу пришлось сдвинуться, чтобы убедиться: некоторая перекошенность физиономии объясняется кривизной зеркала, а не следами от побоев. Кажется, то нападение случилось уже очень давно, однако ее тело ощущало иначе. Прошло всего два дня, и конечно, лицо не восстановилось. Как не восстановилась и ее душа. Фактически кривое зеркало оказалось к месту: внешнее искажение как отпечаток внутренней деформации, которую она пыталась утаить даже от себя.

Они скинули одежду и скользнули в воду – горячую, мягкую. Несколько секунд погружения – и их конечности становятся гладкими, будто у фарфоровых куколок, а волосы – словно лебяжий пух. Кэроу и Зузана, пробив зеркало воды, вынырнули на поверхность. Русалки, да и только.

Кэроу прикрыла глаза и снова нырнула, позволяя горячему потоку смыть напряжение. Если бы она честно играла в «Три желания», то захотела бы перенестись из этих источников в Лету, реку забвения, и надолго выкинуть из головы армии, битвы и зигзаги судьбы.

Вместо этого она вымылась и ополоснулась. И вышла. Мик вежливо отвернулся, пока она натягивала на себя чистую одежду. «Чистую» – в смысле выполосканную в марокканской речке и высушенную на пыльной крыше.

– Факел будет гореть еще примерно час, – сказала она друзьям и взяла другой. – Найдете дорогу назад?

Они закивали. Кэроу оставила парочку наслаждаться друг

другом, стараясь задавить ревность, и зашагала к гудящему улью двух вражеских армий.

– А, вот ты где.

За поворотом, почти в самом центре деревни, обнаружилась Тьяго. Зири. Когда они увидели друг друга, его лицо преобразила вспышка эмоций. Он быстро ее подавил, но Кэроу успела заметить. Любовь, неотделимая от печали; ее сердце снова засадило. «Я с тобой», – так она сказала в крепости, чтобы он не чувствовал себя одиноким в этом украденном теле. Неправда. Она не была с ним, даже когда была. И он это знал.

Кэроу выдавила из себя улыбку:

– А я тебя как раз искала.

Уж это-то было правдой.

– Что-нибудь решили?

Он вздохнул и покачал головой. Нечесанный, чего никогда не позволял себе настоящий Волк, – разве только сразу после боя. Волосы лежали в беспорядке, на бровях темнела засохшая кровь, след аварийного приземления, а колени и ладони, исцарапанные и незажившие, напоминали сырое мясо. Он воровато огляделся и поманил Кэроу за дверь.

Мгновение мучительных колебаний. Это же не Волк, убеждала она себя, следуя за ним в небольшое помещение. Темнота и затхлость. Кэроу закрыла дверь и обвела круг рукой с зашипевшим фонарем, убеждаясь, что здесь никого нет.

Только они вдвоем. Зири это подстроил, специально, чтобы на краткое мгновение позволить стечь с себя шкуре Волка?

Он бессильно прислонился к стене.

– Лиссет предлагает выбрать козла отпущения для показательной казни.

– Что? – вскрикнула Кэроу. – Не может быть!

– Я тоже отказался. Если только она сама не вызовется добровольцем.

– Было бы неплохо. И?

– Она отказалась.

Он выжал кривую измученную улыбку, а затем понизил голос.

– Все ищут тайный смысл. Гениальный план великого полководца, который, разумеется, включает резню.

Кэроу взволнованно спросила:

– Думаешь, они что-то заподозрили?

Она говорила почти шепотом. Жаль, что с ним не получится общаться по-чешски, как с Зузаной и Миком, и не волноваться о том, что их смогут подслушать.

– Что-то заподозрили определенно. Но вряд ли близкое к правде.

– Вот пусть и не подозревают.

– Я держусь так, будто эндшпиль этой партии знаю только я. Но сколько времени удастся так выкручиваться – неясно. Они со мной не откровенничают. А вдур он делился с ними

своими планами, и теперешняя конспирация им противоречит? Что до этой конкретной проблемы...

Он поднял к голове ладони и резко втянул воздух.

– Как бы в такой ситуации поступил Волк? Никак. Он никого бы не отдал серафимам, просто смотрел бы вызывающе.

Кэроу легко представила дерзкий, презрительный взгляд Волка, обращенный к недругам.

– Ты прав. И, конечно, он бы спровоцировал резню.

– Да. Но ничего не поделаешь: наша тактика в том и заключается. Поступать правдоподобно, когда возможно, но не заходить слишком далеко. Я никого не отдам ангелам. И никаких извинений. Это дело химер, и мы сами разберемся.

– А если это повторится? – спросила Кэроу.

– Я прослежу, чтобы не повторилось.

Ровный, давящий, полный угрозы и сожаления голос.

Кэроу знала, что такой ответственности Зири вовсе не хочет, но помнила слова, произнесенные им во время полета: «Мы будем биться за наш мир до последнего отзвука души», – и то, как он стоял между двух жаждущих крови армий. Она не сомневалась, что он справится с чем угодно.

Между ними повисло молчание, и теперь, когда решение было принято, «одинокчество» стало иным. Два усталых человека стояли в мерцающей тьме; их чувства и страхи перемешались: доверие, колебание, горечь.

– Пора возвращаться, – сказала Кэроу, сожалея, что не может побыть с Зири еще немного. – Серафимы ждут.

Он кивнул и следом за ней пошел к двери.

– У тебя влажные волосы.

– Купальни.

Она открыла дверь, напоминая себе, что этого он знать не может.

– Купальни? Заманчиво.

Он указал на покрытый коркой запекшейся крови мех на своих ногах, на содранные до костей ладони. На голове, в месте удара о пол, тоже была рана. Кэроу придвинулась ближе, коснулась лба. Он поморщился: там красовалась огромная шишка.

– Ох ты! Голова не кружится?

– Нет. Просто пульсирует. Все нормально.

Теперь он рассматривал ее лицо.

– Ты выглядишь гораздо лучше.

Она притронулась к своей щеке и поняла, что уже не болит. И опухоль исчезла. Порванная мочка непонятным образом срослась. Как?

А потом она внезапно вспомнила.

– Вода. Она исцеляет.

– Серьезно? – Зири снова посмотрел на ладони. – Дорогу покажешь?

Кэроу неловко запнулась.

– Я бы с радостью, но там сейчас Мик и Зузана.

Она покраснела. Вполне возможно, что Зузана и Мик слишком устали, чтобы вести себя со свойственной им...

mmm... непосредственностью; но, учитывая целительные свойства воды... Так что они, скорее всего, воспользовались тем, что их оставили наедине. В манере, ммм, им свойственной.

Зири понял. Он тоже залился краской, и холодные, совершенные черты Волка приобрели куда больше человечности. Новой душе это тело подходило больше, чем прежней.

– Я подожду, – сказал он со смущенным смешком, избегая смотреть в глаза Кэроу, и она тоже засмеялась.

Они так и стояли в дверном проеме, краснея, посмеиваясь, смущаясь собственному смеху, стояли почти вплотную; она убрала руку с его лба, но все равно едва его не касалась, когда кто-то прошел по коридору, свернул в их сторону – и замер.

Боги и небесная пыль! Кэроу хотелось завывать. Вы же пошутили?

Потому что, разумеется, разумеется, это был Акива. Дикая музыка заглушала его шаги. Он подошел совсем близко, и как отлично он ни владел собой, скрыть эмоции до конца не смог.

Шаг назад, недоверие; на щеках – вспышка румянца. Судорожный вдох. Для сдержанного Акивы такая реакция была равноценна взрыву.

Кэроу отпрянула от Волка. Поздно! Нелепо надеяться, что Акива распознал, как она рада его видеть, за хихиканьем, покрасневшими щеками, склоненной позой, – и все это об-

ращено к другому.

Как будто ее уличили в измене.

Хихикать и заливаться румянцем с Белым Волком?! С точки зрения Акивы, ничем, кроме предательства, это быть не могло.

Акива. Ей хотелось взлететь ему навстречу – но воспарило только сердце, не тело. Ноги будто приросли к земле, тяжелые от навалившегося чувства вины.

Акива произнес холодно и быстро:

– Мы выбрали в совет представителей. Надеюсь, вы сделали то же самое.

Он умолк, и его мимика отражала совсем не те эмоции, что у Волка. Он смотрел на двоих, и все человеческое стекало с его лица. Сейчас он снова был таким, как во время первой встречи в Марракеше: существом с мертвой душой.

– Ждем.

Когда вы прекратите тискаться с Белым Волком и займетесь делом.

Он развернулся на каблуках и вышел, не ожидая ответа.

– Подожди, – позвала Кэроу, но ее голос звучал так неуверенно, что даже если бы он услышал сквозь рев музыки, то не вернулся бы все равно. Мы могли бы ему объяснить, подумала она, рассказать правду. Но шанс был упущен.

Горло сдавил спазм. А потом она собралась и попыталась убедить себя, что все в порядке.

– Прости, – сказал Зири.

– За что? – с фальшивой беспечностью спросила она, как если бы он ничего не понял. Нелепо.

– Прости, что сложилось так, как сложилось. Для вас.

Для нее и Акивы. Кэроу видела, что в этот миг Зири не лукавил. Лицо Волка было искажено состраданием.

– Все еще будет.

Она с удивлением услышала собственный голос. В нем, вместо вины и тихого отчаяния, звучала решимость. Ей поверил Бримстоун, и Акива, и... Счастье придет, нужно просто верить!

– Все еще будет, – сказала она Зири.

И не только для нее и Акивы.

– Для всех нас.

Она улыбнулась.

– Вот в чем суть.

Апокалипсис по расписанию

Через несколько часов Кэроу почти совсем забыла ту улыбку.

Все еще будет, наверняка. Но сначала придется уничтожить ангелов Доминиона и, скорее всего, навсегда разрушить человеческую цивилизацию. И, конечно, будут потери. И, возможно, смерть. Подумаешь, большое дело.

И вполне ожидаемо. Никто же не называл сегодняшнюю встречу «мирным советом».

В одном можно было не сомневаться: эта встреча войдет в учебники истории. Высоко в Адельфийских горах, которые когда-то служили неодолимой преградой между Империей и свободными территориями, собрались вместе представители двух мятежных армий. Серафимы и химеры, Незаконнорожденные и выходцы с того света, Истребитель Тварей и Белый Волк – не врагами, союзниками.

Лучше и быть не могло.

– Я за ясный план.

Это Элион, брат, занявший рядом с Акивой место Азаила. Он и еще двое: Бриафос и Орит, – вместе с Акивой и Лираз выступали на совете от имени Незаконнорожденных. От химер, кроме Тяго и Кэроу, присутствовали Тен и Лиссет.

– И в чем состоит ясный план? – спросил Волк.

Элион сказал, как о чем-то самоочевидном:

– Закрывать порталы. Пусть с Иаилом разбираются люди.

Что???

Этого Кэроу не ожидала.

– Нет, – вырвалось у нее помимо воли.

Лираз тоже заговорила, так что их возражения прозвучали одновременно. Нет. Сидя напротив друг друга, они встретились взглядами. Прищуренные глаза Лираз и подчеркнуто безразличные – глаза Кэроу.

Нельзя закрывать порталы, оставив Иаила и тысячу воинов его Доминиона «разбираться» с людьми. В этом они обе сходились, пусть и по разным причинам.

Лираз сказала:

– Иаил – мой.

Ровный, безучастный голос. Она говорила безо всякого напора, как о давно установленном факте. Что бы там ни произошло, это обсуждению не подлежит.

Лираз вело возмездие, и Кэроу ее не обвиняла. Она видела тело Азаила, видела скорбь и отчаяние Лираз, и Акиву рядом с ней, такого же страдающего. Картина пробилась даже сквозь черноту горя, что затопляла в ту ночь душу Кэроу. Она тоже желала Иаилу смерти, но не заикливалась на одном этом стремлении.

– Мы не можем перекладывать все на людей, – сказала она. – Иаил наша проблема.

У Элиона уже наготове были возражения:

– Если то, что ты рассказывала нам о людях и их оружии, правда, они справятся без труда.

– Да, если увидят в ангелах врагов.

Иаил прекрасно придумал. Белоснежные крылья, чистота и блеск... «Они будут поклоняться нам как богам», – когда-то пообещал Иаил. Кэроу не сомневалась, что так и будет. Она сказала Элиону:

– Представь, что твои божественные звезды сходят с небес и являются тебе, живые и осязаемые. Как конкретно ты будешь с ними «справляться»?

– Полагаю, я отдам им все, что бы они ни попросили, – ответил он, добавив с безупречной логикой, черт бы ее подрал! – Именно поэтому мы должны закрыть порталы. Главная наша забота – Эрец. Нам есть чем заняться в собственном мире, не ввязываясь в битву за чужую землю.

Кэроу мотнула головой, но в его словах что-то было. На первый взгляд он прав. Самое главное, чтобы Иаил не принес человеческое оружие на Эрец, и самый простой способ это предотвратить – закрыть порталы.

Неприемлемо. Кэроу не настолько перестала ощущать себя человеком, чтобы приветствовать такое решение. Учитывая намерения Иаила. Разгуст попал на Эрец по ее вине; и по ее вине он поделился с новым императором опасными знаниями о земном вооружении, религии и географии. Эти два мерзавца нашли друг друга; что же теперь Земле, погибать?

Подбирая слова, она в поисках поддержки обвела взглядом каменный стол и встретила глазами с Акивой. И ее обожгло; дыхание на секунду сбилось. Лицо без выражения, пустое, ровное; все эмоции глубоко запрятаны. Маска. Что он ощущает – отвращение, разочарование, боль? Не разобрать.

– Запереть двери – только один путь решить проблему, – сказал он. И в упор посмотрел на Тьяго. – Но далеко не лучший. Наши враги не навечно останутся там, где мы их заперли. Что будет, когда они сумеют разблокировать порталы и вернуться?

Без сомнения, он имел в виду собственный побег и его последствия. Волк это понял.

– Да, – сказал он. – Не стоит забывать уроки прошлого. Все кончится резней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.